

81.27-25

Е.И.Голанова

КАК

ВОЗНИКАЮТ

НАЗВАНИЯ

М.Т.Савостоев,

П.Шелев

В.В.Воснов

Х

НАЗВАНИЯ

НАЗВАНИЯ

81.2p
Г60

Е.И.Голанова

КАК ВОЗНИКАЮТ НАЗВАНИЯ

37434

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1989

Хиславский ЦРС
Магистерская библиотека

Рецензенты

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Института языкознания АН СССР А. В. Супранская,
учитель-методист школы № 693 Москвы Г. М. Полонская

— редажник Ю. Гордон

Г60 Голанова Е. И.
Как возникают названия: Кн. для учащихся ст.
классов. — М.: Просвещение, 1989. — 142 с.: ил.
ISBN 5-09-000521-4

В книге в научно-популярной форме рассказывается о том, что такое номинация, какие существуют способы и типы наименований в русском языке, почему в разных языках особая система номинации. Из книги читатели узнают, какими путями пополняется наш лексикон, какие способы образования слов наиболее характерны для современности, как отражается богатство языка в словарях разных типов.

Г 4306020000 — 191
103(03) — 89 192 — 88

ББК 81.2Р

ISBN 5-09-000521-4

© Издательство «Просвещение», 1989

К читателю	4
Введение. Что такое номинация?	6
Глава 1 Как производятся производные слова (об аффиксальном словообразовании)	15
Глава 2 Микроавтобус, панельвоз и их собратья (о сложных и сложносокращенных словах)	39
Глава 3 О „железнодороге“ и „искусственном спутнике“ (о составных наименованиях)	63
Глава 4 Надо ли останавливаться перед „леброй“? (о смысловых изменениях слов и словосочетаний как активном способе номинации)	73
Глава 5 „Все народы меняются словами“ (о заимствованиях)	83
Глава 6 „Варианты возможны!“ (О том, как и почему возникает несколько названий для одного понятия)	105
Глава 7 Языковые сокровищницы (как отражается лексическое богатство языка в словарях разных типов)	117
Заключение	140
Литература для дальнейшего чтения	141

Эта книга о русском языке, о путях его обогащения, о типах и способах наименований.

Часто, когда вы читаете газеты и журналы, смотрите телепередачи, слушаете радио, у вас возникает вопрос, связанный с названием того или иного предмета, явления. И вы начинаете думать: почему названо так, а не иначе?

Развитие, обогащение языка — естественный процесс, и он неразрывно связан с жизнью народа, жизнью и деятельностью многих поколений. Все, что происходит в жизни, так или иначе отражается в языке. Каждая эпоха вносит свой вклад в язык и культуру. В наш XX век (который называют и веком атома, веком космоса, веком научно-технической революции) человек шагнул в космос, создал чудодейственные лекарства и препараты, умные приборы и устройства, новые ткани и сверхпрочные материалы. Появились новые машины и механизмы, во многих случаях более быстрые, более совершенные. Время сверхзадач и сверхскоростей потребовало и своих названий. Десятки, сотни новых слов, новых наименований появились в нашем языке.

И поэтому не только интересно, но и важно знать, как возникают новые названия. Какие существуют способы и типы наименований? Почему в нашем языке, как и в других языках, своя особая система номинации (наименований)?

В книге будет много примеров-иллюстраций, взятых из современной периодики (газет и журналов), из радио-

и телепередач. Это язык «массовой коммуникации», как его называют, и именно он фиксирует в первую очередь то новое, что рождается и входит в нашу жизнь. Ежедневная пресса отражает большой и сложный мир, который нас окружает. Наука и производство, школа, общественные отношения, искусство — все это находится в постоянном движении, обновлении, развитии. И все это закономерно находит отражение в нашем языке.

Какими путями пополняется словарный состав языка, какие способы образования названий характерны для современности, как фиксируется лексическое богатство языка в словарях — на эти и другие вопросы мы постараемся ответить в нашей книге.

Книга состоит из семи глав. Из введения вы узнаете о гипотезах происхождения языка и возникновения слова, о том, что такое номинация. Первые пять глав рассказывают о способах номинации, характерных для современного русского языка: аффиксальном словообразовании, словосложении, образовании составных наименований, переосмыслении значений слов, заимствовании. Шестая глава объясняет, почему в языке может возникнуть несколько наименований для одного понятия. Заключительная, седьмая глава посвящена «языковым сокровищницам» — словарям разных типов.

Рисунки, открывающие каждую главу книги, участвуют в нашем рассказе о способах номинации в русском языке. Они не только начинают и называют главу, но и символически обобщают ее содержание.

ЧТО ТАКОЕ НОМИНАЦИЯ!

Все в окружающем нас мире имеет название. Все, что знает человек (человечество) о природе и обществе, вся «картина мира» отражается в языке. «Язык так же древен, как и сознание...» — писали Маркс и Энгельс (Соч. — 2-е изд. — Т. 3. — С. 29).

С развитием человеческого общества развивается и язык, так как он призван фиксировать, закреплять разные виды отношений в обществе (экономические, производственные, социальные), отражать развитие науки и культуры, общественно-политической жизни.

«В языке народ выражает себя полнее и многостороннее, чем в чем-либо другом — не только в последнем своем положении, но и исторически. Все, что есть у народа в его быте и понятиях, и все, что народ хочет сохранить в своей памяти, выражается и сохраняется языком. В высшем своем жизненном и исторически важном применении язык становится орудием и проводником всех потребностей образованности народа. Перехода от человека к человеку, от поколения к поколению, из века в век, он хранится народом как его драгоценное сокровище», — писал в своей книге «Мысли об истории русского языка» известный русский филолог академик И. И. Срезневский.

Язык отражает жизнь и деятельность народа и сам поэтому представляет собой никогда не прекращающийся процесс, деятельность, творчество. «Язык никогда не устанавливается окончательно: он непрерывно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идет вместе с жизнью народа», — справедливо писал В. Г. Белинский.

Марксистская наука рассматривает язык как общественно-историческое явление. Возникновение языка связывается с возникновением человеческого общества, оно появилось в процессе труда первобытных людей, вместе с трудом. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» пишет: «На-

чинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности... Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу»¹.

Во время коллективной охоты или собрания плодов, изготовления орудий для охоты или раздела добычи возникла необходимость общения, необходимость какими-то сигналами, знаками сообщить об опасности или передать свой опыт, научить, например, обработке орудия молодого соплеменника. Ученые предполагают, что первоначально система знаков человека включала и движения и звук, т. е. мимику, жесты и звуковые сигналы. Звуковые сигналы могли существовать самостоятельно или сопровождать знаки-движения, уточнять их, помогать их осмыслению.

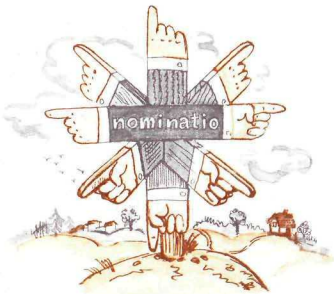
Постепенно звуковые знаки как наиболее универсальное средство передачи сообщения, не зависящее, например, от окружающих условий (язык жестов не может быть использован в темноте или в лесных зарослях, джунглях и т. п.), получают главенствующую роль, главным средством общения становится звуковой язык. О том, как появился звуковой человеческий язык, существует немало гипотез и теорий. Этому посвящены многочисленные исследования и научные труды антропологов, историков, языковедов, психологов².

В нашей книге мы не будем, конечно, рассматривать подробно весь долгий путь возникновения человеческого языка, членораздельной речи. Нам здесь важно отметить другое: усложнялся трудовой процесс, возрастала роль «трудовой коммуникации», развивались и совершенствовались рука и мозг, развивалось сознание, от элементар-

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 489.

² Одно из таких исследований опубликовано и издательстве «Наука». Авторами Б. В. Гинотцы о возникновении языка (М., 1985). В интересной и популярной, доступной каждому школьнику форме написаны книги А. А. Леонтьева «Возникновение и первоначальное развитие языка» (М., 1963) и «Язык и разум человека» (М., 1965), «Мир человека и мир языка» (М., 1981).

ных, стихийных звуков-сигналов происходил постепенный переход к членораздельной речи. Возникает слово. С помощью слова можно было обозначить, назвать какие-то действия, окружающие предметы, закрепить в памяти, зафиксировать разнообразные связи между ними и сообщить своему соплеменнику. Выдающийся физиолог Иван Петрович Павлов писал, что на основе впечатлений от действительности (этих «первых сигналов») у нас развились «вторые сигналы в виде слов... слово составило вторую, специально нашу сигнальную систему действительности... именно слово сделало нас людьми».

Назвать и сообщить — вот те две стороны, две главные, взаимосвязанные функции языка, которые современная наука определяет как «номинативную» (т. е. называющую, от лат. *nominatio* — «называние») и «коммуникативную» (способствующую коммуникации, от лат. *communicatio, communico* — «общаться»). Правда, среди ученых нет единого мнения по поводу «функций» языка: сколько их, каковы они, как их следует определять и классифицировать.

О роле языка как важнейшего средства человеческого

общения писал в работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин (Полн. собр. соч. — Т. 25).

Уникальна роль языка в истории человечества. Язык не только результат, «продукт», «орудие» человеческой деятельности, это и «орудие познания». Язык стал мощным средством развития самого Человека, развития человеческого сообщества.

* * *

В нашей книге речь пойдет о том, как проявляется одна из главных функций языка — номинативная, о том, что такое номинативия и как возникают названия.

Уже античные философы в спорах искали истину: как соотносится вещь и ее имя? Как происходит процесс именования вещей и явлений? Кто дает, «устанавливает» имя?

В разных странах античного мира (Индия, Китай, Греция, Рим) ученые и философы пытались ответить на вопрос: как создавался язык, как возникли имена — «по установлению» или «по природе», т. е. отражается в именах (словах) «природа», сущность вещей или же соответствие имени и вещи устанавливается кем-то произвольно?¹

В Древней Греции этот вопрос обсуждался на протяжении столетий. Многие известнейшие мыслители пытались доказать свою точку зрения. В «Диалогах» Платона, сочинениях Аристотеля и других древнегреческих философов (Гераклита, Демокрита, Эпикура, их учеников) уже видны те пути, по которым пойдет в дальнейшем изучение языка, осмысление и описание его природы и сущности наименований. Разные позиции античных философов и суть их спора хорошо видны в знаменитом Диалоге Платона «Кратил, или о правильности имен». Крупнейший древнегреческий философ Платон (428—348 гг. до н. э.), основатель в Афинах кружок, школу, названную Академией (по имени сада, который получил свое название от имени легендарного героя Академа). Здесь в беседах со своими последователями и учениками

¹ Выражения «установление имени» и «установитель имени» встречаются впервые в древнеиндийских священных книгах (веды), язык которых — санскрит — стал предметом изучения не только ученых Древней Индии, но и современного языкознания, так как он считается «родоначальником» современных индоевропейских языков.

Платон обсуждал разные вопросы философии и языка. В Диалоге «Кратил...» три действующих лица: философы Кратил (сторонник идеи «отприродности» имени) и Гермоген (сторонник идеи «установления»), утверждающие каждый свою точку зрения, и мудрый Сократ, который как «третейский судья» руководит этим спором, задает вопросы, подводит участников к каким-то решениям, сам делает заключение, выводы. В начале беседы Кратил утверждает, что «у всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы». Ему возражает Гермоген, говоря, что имя дается по «установлению», произвольно, оно не предопределено природой вещей. Участники спора выносят на обсуждение прежде всего два вопроса: о связи имени и вещи и о связи имени и именуемого. Сократ подводит философов к выводу, что «изображению совсем нет надобности воспроизводить все стороны того, что оно отображает» и что «устанавливать имена дело не всякого мужа, у некоего творца имен... который реже других мастеров встречается среди людей». Среди других идей, которые Платон высказывает устами Сократа (учителя Платона, считающегося одним из родоначальников такого метода диалектики, как отыскание истины путем постановки наводящих вопросов), важна мысль о том, что «одни имена составлены из более первичных, а другие являются первыми...»

Интересно, что Платон, рассматривая в этом Диалоге разные точки зрения на происхождение имен, сам в итоге не соглашается ни с одной из них. Почему же это сочинение до сих пор ценится учеными-языковедами? Дело в том, что в Диалоге «Кратил» отражены все известные во времена античности взгляды на природу языка и языковое творчество и поставлены те вопросы, на которые впоследствии будут стремиться ответить ученые разных стран и эпох, выдвигая свои гипотезы происхождения слова, имени, разных языков¹.

На многие вопросы, связанные с возникновением названий, с проблемой языковой номинации, нет однозначного ответа и в наши дни. Поэтому ученые — не только языковеды, но и специалисты в области этнографии, социологии, биологии, психологии — продолжают изучать эти «вечные вопросы»: как осознается и отражается язы-

ком окружающий мир (т. е. как соотносятся стороны «треугольника»: действительность — мышление — язык), может ли влиять на язык один человек или только общество в целом, как исторический опыт, культурная и социальная жизнь народов отражается в языковой номинации?

Наука показала, что язык — это своеобразная система знаков, в ней выделяются «знаки-наименования» (к номинативным, т. е. называющим, единицам прежде всего относится слово) и «знаки-сообщения» (высказывания). У Человека (человечества) в процессе его исторического развития, в результате познания окружающей действительности (разных явлений, вещей, их свойств, признаков, процессов) возникли представления, складывались понятия, создавался «мир образов», отражающий существующий предметный мир. И объектом номинации по сути выступал не конкретный, единственный предмет, а «типизированный», обобщенный образ этого предмета, класса предметов. Именно это отметил В. И. Ленин, подчеркивая в «Философских тетрадах»: Всякое слово (речь) уже *обобщает*» (Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 246).

Итак, слова — это единицы языка, служение для наименования, номинации предметов, лиц, процессов, свойств. Понятие «номинация» (называние, наименование) включает в себя и процесс (называние), и результат (название, имя). Цитируя Л. Фейербаха, В. И. Ленин положительно отметил его слова: «Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета...» (Полн. собр. соч. — Т. 29. — С. 74).

Очень часто этот признак не является главным и не выражает сущности предмета, явления, но языковая традиция закрепляет наименование, и оно начинает жить в языке активной самостоятельной жизнью. Всем, например, известна маленькая серая птичка, удивительным пением которой мы не раз наслаждались поздним вечером или на заре ранней весны. Но имя соловей получил по цвету серенького оперения, а вовсе не из-за своего главного таланта В разных славянских языках названия этой птички похожи (в польском — s^owik, чешском — slavik, болгарском — *славей*, *славик*) и связаны с праславянским корнем *solъ* (от * *solъ* — «желто-серый»). (В науке принято обозначать предполагаемые праславянские слова знаком *.) Здесь сделаем небольшое отступление в историю.

¹ Тем, кто заинтересуется историей возникновения таких теорий, можно посоветовать прочитать об этом, например, в учебнике А. Л. Реформатского «Введение в языкознание» (М., 1960).

Как известно, русский язык относится к группе родственных славянских языков (наряду с украинским, белорусским, польским, чешским и другими). Когда-то существовал единый язык славян (его называют праславянским), на основе которого впоследствии развились отдельные славянские языки¹. Очень многие русские слова свою «биографию» начали в те далекие времена, в этом едином праславянском языке. К таким названиям относятся не только *соловей*, но и *голова*, *город*, *зима*, *зерно*, *зверь*, *иней*, *камень* и мн. др. Имея общий корень, эти слова получили в разных славянских языках разное грамматико-фонетическое оформление. Например, русскому слову *голова* соответствует болгарское *глава*, польское *głowa*, чешское *hlava*. В русском языке — *зерно*, в болгарском — *зърно*, в чешском — *zrno*, в польском — *ziarno*. К одному корню (индоевропейскому) восходит русское слово *камень*, болгарское *камен*, чешское *kámen*, польское *kamień*.

Устанавливать такие родственные связи помогает наука о происхождении слов — этимология (от греч. *etymologia*, из *etymon* — «истина» и *logos* — «слово, учение»). Существуют особые этимологические словари, они приводят сведения о происхождении слов и помогают ученым «отыскивать» те первые «признаки» предметов, на которые обратили внимание люди, создавая названия. Можно привести здесь еще один показательный пример. Русское слово *заяц* этимологически связано с глаголом *скакать*, восходит (как обычно говорят ученые — историки языка, этимологи) к праславянскому корню *zajęszь, поэтому близки «русскому» зайцу болгарский *заяц*, чешский *zajíc*, польский *zając*, который в свою очередь связан с индоевропейским корнем **ghai-→zaj* — «прыгать, скакать». Интересные данные приводятся в «Этимологическом словаре русского языка» известного этимолога М. Фасмера (пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. — М., 1986. — Т. II). Фасмер считает, что первоначальное значение зайца — «прыгун» и эта черта издревле связывает такие названия, как *конь* в древнеиндийском и *козел* в латинском языке. На этих примерах видно, что и в некоторых языках признак «прыгучести» тоже был отмечен, но лег в основу других названий. Кстати, нашего «прыгуна»-зайца другие народы называли по иным

замеченным признакам. Так, в немецком языке заяц *Hase* имеет связь с названием цвета «серый», в некоторых диалектах венгерского языка заяц *fűles* происходит от *fűl* — «ух».

Это отступление мы сделали для того, чтобы стали понятнее пути возникновения наименований, причины сходства и различий названий в разных языках.

Вернемся снова к «соловью». В немецком языке его называют *Nachtigal* (от *Nacht* — «ночь» и *gallen* — «петь»), в финском *satakiele* (буквально — «сто языков»). Еще пример из «мира животных»: имя небольшого лесного зверька с пушистым хвостом — *белка* — связано с древнерусским корнем *бѣлъ* — «белый» (первоначально так называли только одну из разновидностей этого зверька — белых «белок»), а вот греки отметили другой признак и образовали название от слов *тень* и *хвост* («тот, кто делает тень хвостом»).

Можно было бы продолжить эти удивительные истории разных названий (например, вспомнить «родословные» *медведя*, *снегиря*, *голубя*, *березы* или слов *сверстник*, *свет*, *цвет* и мн. др.), но у нас задача иная — рассказать о том, как рождаются названия, какие способы номинации существуют в современном русском языке.

Как же возникают названия? От чего зависит выбор признака наименования и почему все-таки разные народы по-разному называют один и те же предметы и явления окружающего мира?!

На эти вопросы может помочь ответить сам язык и окружающая действительность, так как причины лежат и вне языка, и в самом языке. К внеязыковым, «экстралингвистическим» причинам (такой термин используется в науке) прежде всего относятся условия жизни разных народов, населяющих нашу землю. Номинация связана с национальными традициями, историей, культурой и в немалой степени зависит от географической среды, места проживания народа и даже от климата.

У некоторых народов Севера существуют, например, десятки слов для названия разных видов снега, льда, для обозначения холода. В языке одного из племен, живущих на островах Океании, есть 100 названий для разновидностей банана. В то же время некоторые племена индейцев называют одним словом все летающие предметы (кроме птиц), а в африканском языке суахили одним сло-

¹ Праславянский язык выделялся из еще более древнего — индоевропейского языка, на котором говорили люди, населившие когда-то территорию от Индии до Европы (откуда и название «индоевропейский»). Как предполагают ученые, праславянское языковое единство расцело в V—VII вв. н.э.

вом обозначают и поезд, и телегу, и карету, и детскую коляску, и велосипед¹.

Некоторые понятия, как видим, актуальны для одних народов и малоизвестны (или даже совсем неизвестны) другим. Разные народы по-своему «членят» окружающий мир, выделяют в нем в первую очередь то, что важно именно для их жизни, и это отражается в языке.

Все сказанное относится к экстралингвистическим причинам различий номинации в разных языках. Не менее важную роль играют и причины внутриязыковые: в зависимости от внутренних законов развития, от лексических, смысловых, словообразовательных связей в каждом языке используются свои средства и способы наименования, создается своя система номинации.

О способах номинации, которые характерны для русского языка, и пойдет речь в следующих главах.

¹ Об этом и о других особенностях разных языков интересно рассказано в книгах А. А. Леонтьева «Язык и разум человека» (М., 1965); «Мир человека и мир языка» (М., 1984).

Язык — это система звуковых, словарных и грамматических средств. Важнейшее место в этой системе занимает лексика (от греч. *lexikós* — «относящийся к слову», *lexis* — «слово») — словарный состав языка, вся совокупность слов.

Еще Платон, как мы уже говорили (см. с. 10), в своем Диалоге «Кратил» ставил вопрос об именах «первых» и «составленных из первичных», т. е. простых и производных (как называют такие слова сейчас). Простых (типа *дом*, *стол*) в развитых современных языках гораздо меньше, чем производных, и как они когда-то были образованы — в большинстве случаев известно только ученым (этимологам и историкам языка, которые восстанавливают биографии таких слов, вспомним хотя бы «зайца» или «белку»). Большую же часть лексики, живую, непрерывно пополняющуюся, составляют слова *п р о и з в о д н ы е*, созданные, как говорят языковеды, путем аффиксального словообразования.

Сам термин «аффиксальное словообразование» разъясняет суть этого традиционного способа номинации: образование новых слов от уже существующих в языке при помощи *а ф ф и к с о в* (от лат. *affixus* — «прикрепленный»), т. е. приставок (префиксов) и суффиксов. Это те самые «кирпичики», из которых и строятся слова.

Такой путь создания названий в нашем языке — один из самых продуктивных и распространенных с давних времен и по сей день. Уже в древнерусском языке использовались слова с приставками *со-, с-, су-* (*сосед, сосуд, сверстник, сутки, супружьи*), *под-* (*подушка, подоплека*), *по-* (*победить, победа*) или, например, суффиксами *-тель* и *-щик* (*жатель, зватель, заимщик, недофорщик*).

При образовании слов в русском языке более активно (по сравнению с приставками) ведут себя *с у ф ф и к с ы*. Этот «строительный материал» представлен по количеству

и «ассортименту» гораздо богаче. Мы знаем, что только для названий *лиц* и *предметов* используется более десятка суффиксов: *-щик, -тель, -ец, -ник, -ист* и другие (*каменщик, паромщик, полировщик, ваятель, нарушитель, шутник, упрямец, мудрец, материалист* и т. д.).

Но что особенно важно, есть суффиксы, которые готовы даже изменить свой «облик», лишь бы их использовали, взяли в «работу». Например, в словах *летчик, разведчик, переписчик, погружник* суффикс *-чик* выступает «дублером» суффикса *-щик*. В некоторых случаях появляется заменитель и у суффикса *-щина*, использующегося в названиях областей: *Рязанщина, Орловщина, Новгородчина, Вологодчина*.

Если присмотреться повнимательней к таким словам,

то становится очевидной закономерность: суффиксы *-щик, -щина* не соединяются с корнем (основой), который оканчивается на *т, д, с, з*, в этих случаях их заменяют *-ик, -чина*.

А вот в названиях жителей очень активно себя ведет суффикс *-чанин (-чане)*, который даже потеснил свою близкую родню: ему стали «уступать место» суффиксы *-анин (-янин), -ец* и др.

Так, жителей города Крутыга стали называть *крутыгичане* (вместо «крутыжане», как *Калуга* — *калужане*). Жители города Рославль назывались раньше только *рославцы*, но теперь появились (и это зафиксировано в «Словаре названий жителей СССР» — М., 1975) — *рославльчанин*, а также *днепропетровчанин, костромчанин, муромчанин* и т. п. Что же происходит, чем это объясняется, имеет

ли *-чанин* на это «право»? Ответ подсказывает история. Дело в том, что в русском языке издавна существуют правила соединения частей в слове. И при образовании производных слов в некоторых случаях суффиксам и корням (основам) приходится приспосабливаться друг к другу. Поэтому на границе корня и суффикса иногда происходит изменение, чередование согласных, например: *сапог — сапожище, нога — ножка (г/ж), рука — ручка, волк — волчица (к/ч), ухо — ушко, орех — орешек (х/ш), певец — певчий, заяц — зайчик (ц/ч)*.

При образовании названий жителей от городов, оканчивающихся на *г, к, х* или *ц*, также происходило чередование: *Рига — рижане, Химки — химчане, Палех — палешане, Черновцы — черновчане*. Появление суффикса *-чанин (-чане)* здесь, таким образом, вполне закономерно. Использование его в других случаях, расширение «поля деятельности» *-чанин*¹, его чрезвычайная продуктивность в современном языке объясняется прежде всего тем, что он может присоединиться к названию почти любого города, не меняя свой «облик», и по данному суффиксу «узнают» новое слово — это непременно «житель», так как других значений *-чанин* не имеет, что тоже очень существенно.

Однако активность многих других суффиксов находится в прямой зависимости от того, на каком «фундаменте» ведутся «строительные работы». «Фундамент» — это корень, важнейшая часть слова, несущая его смысл. Как мы уже упоминали, есть слова, состоящие из корня и окончания (*небо, земля, камень, трава*), но большинством слов «построено» из разных «кирпичиков» (корней, суффиксов, приставок), а иногда и целых «блоков» (например, сложные слова).

Языковеды изучили правила сочетаемости разных частей слова. Оказалось, что в языке действуют не только «морфонологические» ограничения (те, что мы только что рассматривали — их изучает особый раздел языковедения — морфонология), но и лексические, семантические, стилистические, словообразовательные. В этом можно убедиться хотя бы на примере суффикса *-тель*. Он родился «несчастливым»: его выбирают только глагольные основы, да и то не все (от непереходных глаголов, например, с ним не могут образовываться имена). А вот суффикс *-щик* имеет более покладистый, «компанейский» характер и присоединяется как к глагольным, так и к именным основам. Но несмотря на разность «характеров»,

оба суффикса, как хорошие товарищи, участвуют в строительстве новых слов. Уже в древнерусскую эпоху они использовались для обозначения «деятели». Быть «деятелем» (т. е. производителем действия) может не только человек, но и машина, орудие, инструмент и т. п.

Давайте посмотрим, какие названия создаются при их участии: «Приходится содержать *погрузчик* и несколько самосвалов для уборки лесной территории» («Комс. правда»); «Все участники движения обязаны... выполнять предписание дорожных знаков, *указателей*» («Правила дорожного движения»). Ни у кого из нас не возникает сомнения, что в этих примерах выделенные слова обозначают механизмы, а не человека. Сейчас нам трудно поверить, что еще в начале XX в. так называемые *как выключатель, пробкодержатель, отражатель, смеситель, указатель, погрузчик*, называли человека, обозначая его профессию. В наше время, в век научно-технической революции имена, образованные при помощи суффиксов *-щик* и *-тель*, все чаще обозначают различные приспособления, устройства, механизмы, заменяющие человека, облегчающие его труд. Поэтому в таких названиях все чаще используются дополнительные «предметные» уточнители, например *автозаправщик, саморазгрущик, электропогрузчик, авторегулирующий*.

* * *

Активной «творческой» жизнью живут не только суффиксы. Приставки (префиксы) также издавна использовались для образования имен¹. Большинство приставок в нашем языке «предложного происхождения», т. е. были когда-то предлогами. М. В. Ломоносов в «Русинской грамматике» (первой русской грамматике) называет их «слиянными предлогами».

К традиционным, исконно русским приставкам относятся *без-, за-, меж-, между-*, *на-, над-, под-, пред-, со-* и некоторые другие (*безлесье, бесстрашие, загринок, заграница, междоусобица, межсезонье, надкостница, подголосок, подстанник*). Имена с названными приставками возникали в XVIII—XX вв., но все-таки приставочный, или префиксальный, способ образования имен (пре-

¹ Мы рассматриваем в книге в основном образование имен существительных (именное словообразование), так как и в и играет главную роль в номинации.

фиксация) справедливо считался не очень продуктивным.

И только в наше время префиксы избавились от своей пассивности, пробудились к «жизни».

В XX веке десятки, сотни новых слов, новых наименований возникли в нашем языке, которому пришлось «мобилизовать» все свои ресурсы. И здесь-то на помощь пришли префиксы. Очень пригодилась способность приставок, присоединяясь к слову, не меняя целиком его смысл, сообщать слову новые оттенки значения, обозначать новые качества, большие размеры и т. п.

Прежде всего включились в работу «префиксы интенсивности», т. е. те, которые могут придавать слову значение очень высокой степени какого-либо качества, свойства, размера. Это префикс *сверх-* и его иноязыч-

ные собратья *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *архи-*, которые пришли из греческого и латинского языков, а сейчас активно «живут и работают» в разных европейских языках, в том числе и в русском. Интересно, что эти приставки стараются «не мешать» друг другу и каждая имеет свое «поле деятельности». Так, например, *гипер-* используется преимущественно в терминологии таких областей, как математика, медицина: *гипериммунизация*, *гиперфункция*, *гиперцикл*, *гипервентиляция*: «Отличная *гипервентиляция* заключается в нескольких глубоких вдохах и выдохах» («Сов. спорт»).

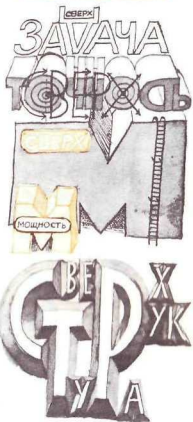
Наибольшую активность проявляет исконно русская приставка *сверх-*, которая образует слова в разных сферах современного языка, и особенно в терминологии (в медицине, спорте, технике, математике, физике, астрономии, космонавтике), например: *сверхпроводимость*, *сверхструктура*, *сверхцентрифуга*, *сверхракета*, *сверхнап-*

ряжение, *сверхмарафон*, *сверхмагистраль* и т. д.: «Когда говорят о работах одного из крупнейших физиков-экспериментаторов академика Петра Леонидовича Капицы, приставка *сверх-* характеризует не только мастерство в постановке эксперимента. Она заложена в самой тематике работ ученого. Это исследование поведения вещества вблизи абсолютного нуля, в *сверхмощных* магнитных полях, открытие *сверхтекучести* жидкого гелия и многое другое» («Известия»).

Приставка *сверх-* легко создает отвлеченные имена и названия лиц: «Есть в творчестве большинства ученых-физиков черты, которые нельзя передать обыкновенными словами. Так и хочется добавить приставку *сверх-* — *сверхизобретательность*, *сверхточность*»; «Время юности — время взлетов и *сверхвзлетов*»; «*Сверхсверхзадачей* всей жизни художника назвал Станиславский этот пожизненный долг художника перед его временем и народом» (из газет).

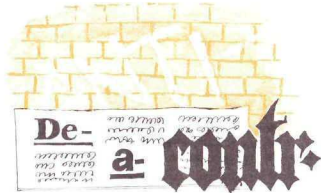
В общем значении «очень высокая степень чего-либо» приставка *сверх-* уже заложена экспрессивность (от лат. *expressio* — «выразительность»), и в некоторых случаях (в зависимости от контекста, особой стилистической установки) *сверх-* может придавать слову шуточную, ироническую или даже отрицательную окраску. Эту способность приставки активно используют писатели-

СВЕРХ-

фантасты, создавая необычные ситуации и необычных героев. Помните, у Стругацких в повести «Малыш»: «Это будет *сверхмыслитель*, это будет *сверхсила*, *сверхэмоционал*, все, что угодно «сверх», в том числе и *сверхчеловек*, но только не человек».

Немаловажную роль в расширении круга новых слов (в том числе имен с приставками) сыграло расширение, рост международных контактов, без которых в XX в. уже трудно представить интенсивное развитие производства, науки, культуры разных стран. И как следствие этого — взаимодействие, взаимовлияние языков, обогащение их заимствованной и интернациональной лексикой. (К интернациональной лексике относятся прежде всего мно-

гочисленные научные, технические, спортивные термины, ставшие достоянием разных современных языков, а также названия широкоизвестных в разных странах понятий, таких, как «кибернетика», «компьютер», «спутник».)

В русском языке внеязыковые, экстралингвистические причины способствовали усилению многих процессов в словообразовании, и прежде всего активизации некоторых групп префиксов.

Иноязычные элементы типа *анти-*, *де-*, *контр-*, *квази-*, *псевдо-*, *супер-*, которые раньше, в XIX в. например, встречались только в составе отдельных заимствованных слов, стали использоваться как полноправные приставки в русском словопроизводстве наряду с близкими по значению русскими.

Так, префиксы *анти-*, *а-*, *де-*, *контр-*, объединяясь с русскими *противо-*, *не-*, могут сообщать словам значение противоположности или противодействия, враждебности. Интересно, что с самого начала их «совместной деятельности» каждая из приставок стремилась сохранить «собственное лицо» и не дублировать друг друга. Они соединяются с разными лексическими группами основ и сообщают именам разные оттенки значения.

Своеобразной главой в этой группе выступает приставка *анти-*. Особенно активно она соединяется (внося значение «противодействия») с именами, называющими общественно-политические или научные течения, направления и их сторонников, последователей, например: *антидарвинизм*, *антигуманизм*, *антимилитаризм*, *антифашизм*, *антифашисты*. (Такие образования также можно отнести к интернациональной лексике, так как они встречаются и в других европейских языках.)

Значение «противодействия» (с оттенком «защита, предохранение, средство против чего-либо») проявляется у приставки *анти-* и при образовании терминов (биологических, медицинских, химических, хотя, например, в физике и смежных областях науки эта приставка используется, как правило, в другом значении, о чем мы расскажем дальше): *антивирусы*, *антигены*, *антиобледенитель*, *ангиспазм* и т. д. Создание терминов совместно с суффиксами (*-ин*, *-тель*), как в двух последних примерах, свидетельствует, что приставка *анти-* совсем «обрусела» и окончательно «зачислена в штат» системы русского словообразования. Вот еще несколько таких новых наименований: «Наш новый препарат *«антиржавин»*, — пояснил инженер, — лучше и дешевле других средств» («Веч. Москва»); «Богатая антителами сыворотка — *«антириппин»* — получена отделом вирусологии ИЭМ («Наука и жизнь»).

Второе значение, свойственное приставке *анти-* (как и другим ее «подругам» по группе), активно стало проявляться с середины XX в. В результате блестящих гипотез и последовавших за ними открытий в мировой науке (прежде всего в физике) появились серии новых терминов с элементом *анти-* в значении «антипод», что укрепляло положение приставки и в русской терминологии.

Однако вплоть до 50-х гг. таких терминов существовало немного.

Античастицы и проблема существования *антимиров* стали предметом оживленных споров не так уж давно — примерно с осени 1955 года, когда Эмилио Сегре и Оуэн Чемберлен сообщили об открытии ими *антипротона*. Но «окно» в *антимир* было «прорублено» значительно раньше. В 1928 году знаменитый английский физик Поль Дирак работал над теорией строения электрода... В 1932 году в космических лучах был обнаружен предсказанный Дираком антипод электрона — позитрон... Так была обнаружена первая *античастица*. Первый посланец *антимира*... Первые годы, последовавшие за обнаружением позитрона, были полны напряженного ожидания. Физики искали *антипротон*. Но прошли целые десятилетия, а позитрон оставался единственной *античастицей*... За обнаружение *антипротона* Эмилио Сегре и Оуэн Чемберлен в 1959 году были удостоены Нобелевской премии... Обнаружение *антинейтронов* явилось неизбежным следствием открытия Сегре и Чемберлена... Итак, у каждой частицы нашего мира есть *антипод*, живущий в зазеркалье, в *антимире*.

(Е. Парнов, Е. Гауценко. Окно в антимир.)

Открытия и исследования 60—80-х гг. в мировой и отечественной науке повлекли за собой регулярное использование многочисленных образований с приставкой *анти-*. Вот лишь некоторые примеры из множества существующих терминов: «Когда *античастицы* были получены лабораторным путем, физики задумались: не соответствует ли каждому атому свой «*антиатом*»? Если окружающий нас мир состоит из частиц вещества, то нет ли в просторах Вселенной «*антимира*», состоящего из «*антивещества*?» («Учит. газ.»); «Синхрофазотроны с растущей силой бомбардируют вещество, и все больше возникает при этом частиц с приставкой «*анти-*» — *антиэлектрон* (позитрон), *антипротон*, *антинейтрон*. Недавно получен *антидейтерий* — первое сложное *антиядро*. Если так пойдет и дальше, то, возможно, будет создан *антиатом*, а затем и крупный еще более сложный форм *антивещества* («Правда»); «На чем же основываются все эти гипотезы, что послужило поводом для разговоров об *антимире*? Прежде всего предположение о симметрии пространства. Именно благодаря ему возникли гипотезы о существовании *античастиц*... Ну, а от симметрии в микромире один шаг до *антизвезд* и *антигалактик* («Комс. правда»).

Многообразные связи широких народных масс с наукой: рост высшего образования, распространение науч-

ных и научно-популярных книг и журналов, радио, телевидение — все это способствует проникновению научных понятий в нашу «повседневную жизнь», научных терминов — в общелитературный язык. Наглядная иллюстрация этому — приведенные термины с приставкой *анти-*. Характерно, что данные примеры взяты не из специальной литературы, их дает ежедневная пресса, научно-популярные статьи в газетах и журналах, художественная литература, научная фантастика. Вот еще несколько ярких примеров: «Есть ли *антимиры* во Вселенной, нет ли *антимиров* во Вселенной — науке неизвестно. А узнать очень хотелось бы. Мы узнаем это, если сможем узнать анти... Каково прошлое Вселенной, что ожидает ее в будущем?» («Знание — сила»); «Он исследовал панцири, которые марсиане побросали перед бегством в Айю... Уход в Айю — это что-то вроде метаморфоз наших насекомых. Только для таких превращений марсианам нужно *антипространство* — таинственная Айя» (ж. «Техника — молодежи»).

Для XX века особенно характерно взаимовлияние разных языков, взаимозаимствования, увеличение состава международной, интернациональной лексики (научной, общественно-политической, публицистической). В русском языке это нашло отражение в разных явлениях.

Так, общей продуктивности приставки *анти-* способствовал приток новых заимствованных слов, отражающих некоторые стороны социальной действительности современного Запада (например, модернистские течения в искусстве, литературе, искусстве «антиформы»): «*Антироман*, *антидрама*, *антифильм*... Эти слова совсем недавно кое-кому могли казаться странными, лишеными смысла» («Сов. культура»); «Даже на Западе, проникнув в живопись, театр, симфоническую музыку, абстракционизм не смог одолеть песни. Появились *антипесни* и *антироманы*, но не появилось ни «*антипесни*», ни «*антироманса*» («Правда»).

Приставка *анти-* стала вести себя еще «раскованнее» и соединяться с отвлеченными именами и наименованиями лиц без всяких ограничений. Такие образования активно возникают не только в специальных терминологических, книжных сферах, но и в разговорно-бытовой речи и даже в поэзии. Вспомните, например, как поэт А. Вознесенский использует эту приставку для создания образа «антимиров»:

Да здравствуют *Антимиры!*
Фантасты — посреди муры.
Без глухих не было бы умных,
Оазисов — без Каракумов.
Нет женщин — есть *антимужчины*.
В лесах режут *антимашин*...

* * *

Современный язык использует не только все богатство традиционных суффиксов и приставок, но открывает свои двери, как мы видели, и для новых «стронтелей».

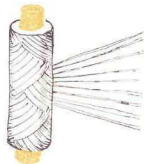
В последние десятилетия в нашем языке появилось много новых названий типа *капрон*, *нейлон*, *перлон*, *тефлон*, *силон* и т. п. Конечный элемент *-он* стал своеобразным показателем группы слов — названий синтетических волокон.

Одним из первых появилось в русском языке (в 40-х гг.) слово *капрон* как название синтетического волокна и изделий из него. В 1944 г. советскими учеными был предложен метод получения полиамидной смолы, из которой в производственных условиях стали получать это синтетическое волокно. Первым из общелитературных словарей приводит слово *капрон* «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1952 г.). Это образование, по-видимому, возникло из соединения усеченной части названия химического вещества «капролактам» и заимствованного элемента *-он*, к этому времени уже известного в русском языке в качестве составной части некоторых названий зарубежных искусственных волокон. Возможно здесь и прямое влияние слова *нейлон* — наименования первого синтетического волокна (созданного в 30-х гг. американским химиком Карозерсом), ставшего родоначальником целой семьи синтетических нитей: «Полиамидные волокна. Эта когорта волокон самая многочисленная и почтенная. Именно с нее начинается история синтетики. В 1937 году в химической колбе впервые выпал осадок белого вещества, название которого стало символом нашего выдавшего века. *Нейлон...*» («Неделя»). Интересна история возникновения этого названия — *нейлон* (nylon). Слово было выбрано из 350 других, представленных на специальный конкурс, как наиболее благозвучное, простое по форме и имеющее уже в английском языке образцы: *cotton* — «хлопок» и *gauon* — «искусственный шелк».

С тех пор за рубежом и у нас в стране в химических лабораториях создаются разнообразные соединения, из которых получают все новые и новые синтетические волокна. Каждая лаборатория, каждая страна дает свои названия вновь появляющимся веществам. И часто одно и то же соединение, одно и то же волокно в разных странах называют по-своему, что создает путаницу и впечатление бесконечного многообразия этих нитей: «В зависимости от страны, где полкапролактам восходит на престол, его по-разному величают: в СССР его синтетическое величество принял имя *капрон*, в ГДР — *дедерон*, в ФРГ — *перлон*, в Румынии — *релон*, в Италии — *лилон*, в Чехословакии — *силон*, в Польше — *стилон*, в Японии — *грилон*» («Неделя»).

Интересно здесь не столько своеволие химиков (или

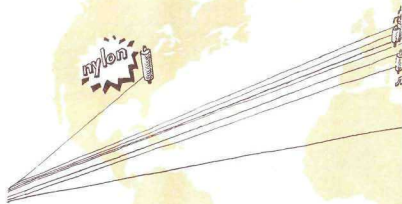
капролактам

промышленников) разных стран, сколько то, что при всем разнообразии эти названия в разных языках имеют в своем составе элемент *-он*. Значение его вполне определено: *-он* относит слово к разряду названий синтетических волокон.

В русском языке эта группа названий все пополняется. Элемент *-он* (и его вариант *-лон*) четко выделяется и осознается всеми носителями языка, поэтому так легко образуют создатели новых волокон наименования этого типа. В экспериментальной лаборатории Московского текстильного института была получена одна из разновидностей синтетического волокна — *мгилон*. Слово образовано присоединением к сокращенному названию института (МТИ) элемента *-лон* (показательно, что на вопрос, почему окончание *-лон*, а не *-он*, создатели — сотрудники кафедры новых волокон ответили: «Так бла-

гозвучнее»). Вот еще несколько примеров: «Акон» — так называется этот дымчатый с серебристым отливом мех из ацетатно-капроновой нити» («Веч. Москва»); «Новым чудом является синтезированный Ленинградским институтом полимеризационных пластиков фторсодержащий полимер, растворимый в ацетоне. А сотрудники Московского текстильного института... разработали условия по-

лучения, т. е. технологию производства, волокна, названного фторлоном» (И. Агафонов. Химия чудесных волокон); «Волокно нитрон было синтезировано в СССР научными сотрудниками ВНИИВ и Текстильного института им. С. М. Кирова. Это волокно получают из полимера акрилонитрила, откуда и пошло название нитрон» (там же); «Если капроновую нить подвергнуть специальной обработке, то она приобретает новые замечательные свойства: станет пушистой, объемной и, что очень важно, малозластичной. Эта синтетическая нить условно названа мэрлон» («Веч. Москва»); «Объемные нити гофрон [гофрированный капрон. — Е. Г.] (за рубежом такая нить носит название банлон) в настоящее время изготавливаются и перерабатываются в опытных и производственном масштабах» («Новые химические волокна и их переработка»).

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что в нашем языке появился новый тип наименований, оформленных словообразовательным элементом *-он* (и его вариантами *-лон*, *-рон*). Своеобразие таких наименований в том, что новому суффиксу приходится присоеди-

няться к неоднотипным, очень разным по происхождению, семантике и структуре основам: основой может быть сложносокращенное слово (*мти—лон*), часть названия химического вещества (фторсодержащий полимер — *фтор—лон*), полное или сокращенное название учреждения (фирмы), получившего или выпускающего синтетический материал, и т. д. Этот словообразовательный эле-

мент можно уже считать международным, интернациональным, рождение и «активная сознательная жизнь» которого связана с рождением синтетики. (Многим современным языкам известны не только слова, относящиеся к фонду интернациональной лексики, но и словообразовательные элементы, получившие поэтому также название интернациональных. Обычно исследователи относят к ним корни греческого или латинского происхождения типа *био-*, *космо-*, *метео-*, *пневно-*, *сейсмо-*, *страто-* и под. Однако в последние десятилетия активизируются в ряде языков одни и те же аффиксальные элементы. К ним наряду с приставками *анти-*, *де-*, *супер-* можно отнести и конечный элемент *-он*.)

Поскольку структура многочисленных названий синтетических волокон и некоторых других видов синтетических материалов в разных современных языках однотипна — основа + *он*, например: *миллон*, *форлон* (Италия), *перлон* (ФРГ), *дедерон* (ГДР), *кашмилон* (Япония), *пермалон*, *велон* (США), то нередко трудно бывает определить, на русской почве возникло наименование или заимствовано. Возможно и то и другое.

К таким загадочным, «двуликим» наименованиям относится, например, слово *поролон*: «Одним из видов синтетического пористого материала, освоенного химической промышленностью, в настоящее время является поролон... Исследования показали, что нет противопоказаний к использованию пенополиуретана (поролон) в бытовых изделиях: одежде, игрушках, постельных принадлежностях» («Здоровье»). В этом названии интернациональными являются обе части: *поро-* (означает «пористый», от греч. poros) и уже знакомый нам *-лон*. Образования с первой частью *поро-* известны разным языкам, в том числе и русскому, например *порозащитки*, *порошол*. Слово *поролон*, следовательно, можно поставить в русский язык и в ряд образований с первой частью *поро-*, и в ряд образований, объединенных второй частью *-лон*. Становится ясно, что и по структуре, и по значению название *поролон* не противоречит нормам нашего языка и вполне могло быть образовано на русской почве.

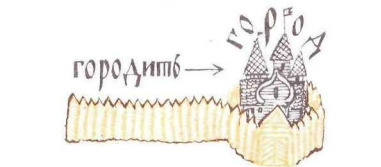
Зная строение этого слова, мы напишем правильно: *поролон*. Такое написание дает и «Орфографический словарь современного русского языка АН СССР».

К таким же интернациональным образующим единицам относится и другой новый суффиксальный элемент *-ан*, который также участвует в создании названий синтетических материалов. Широкая известность слова *лаван*, а также появление названий зарубежных синтетических волокон с конечным элементом *-ан*, например *саран* (США), *рильсан* (Франция), способствовали возникновению еще одного строительного «кирпичика». Например: «Для визания опытных полотен были использованы высокообъемные нити, выработанные классическим способом (*шкон*) и непрерывным способом на фрикционных машинах КОМЭ-5 (*комелан*)» (ж. «Текстильная промышленность»).

* * *

Основная масса названий в языке, как мы видели, — это производные слова, созданные на «фундаменте» уже существующих при помощи разнообразных строительных «кирпичиков» по определенным образцам (их называют словообразовательными моделями). Производные слова связаны с производящими не только строением (имеют общий корень), но и по смыслу: *дом* — *домик*, *чай* — *чайник*, *отличный* — *отличник*, *учить* — *учитель*, *выключать* — *выключатель*, *автор* — *соавтор*, *переживание* — *сопереживание* и т. п. Эта «объяснимость» общего смысла производного слова через его структуру, через значение корня и аффиксов, называется в лингвистической науке мотивированностью, которая может быть «полной» или «частичной». Смысловая зависимость, смысловые связи производного и производящего с течением времени могут затухиваться, стираться. Мотивированность или, как еще говорят, «внутренняя форма», затемняется, утрачивается, когда забывается то слово, тот признак, который дал название. Для нас, например, уже не связываются по смыслу *стрелять* и *стрела*, *стол* и *статье*, *город* и *городить*, *мешок* и *мех*, *белка* и *белый* и многие другие слова. Однако существует много слов, история

создания которых более очевидна. Так, например, названия некоторых цветов или грибов сами рассказывают о своем происхождении: *колокольчик*, *незабудка*, *бессмертник*, *одуванчик*, *подсолнух*, *подснежник*, *подберезовик*, *подосиновик* и т. п. Сама структура, строение, «внешняя форма» этих слов раскрывает их «внутреннюю форму».

Понятие «внутренняя форма» ввел в русскую науку о языке крупнейший языковед XIX в. А. А. Потебня (1835—1891). В работах «Мысль и язык» и «Из записок по русской грамматике» он поставил и рассмотрел вопросы происхождения языка, связи языка и мышления, понятие слова, его внешней и внутренней формы.

По степени мотивированности, степени ясности, «прозрачности» внутренней формы в современном языке выделяются два типа, две большие группы производных слов.

Первый тип — производные слова, значение которых складывается полностью из значений составляющих их частей. К этому типу относятся слова, образованные, например, при помощи уменьшительно-ласкательных или увеличительных суффиксов (*садик, листочек, островок, кроватка, волчище, конфетина*), суффиксов, образующих названия лиц женского пола (*пассажирка, артистка, исполнительница, учительница, лифтерша, касирша* и т. п.); при помощи префиксов без- (*бездорожье*), пере- (*перелесок*), под- (*подгруппа, подокожник*), со- (*соавтор, соперничество*), сверх-, супер- (*сверхскорость, сверхмарафон*) и т. д.

К этой же группе относятся и некоторые типы

сложных слов, например с компонентом *-строение*: «Автомобильная и тракторная промышленность — одна из важнейших отраслей советского машиностроения — идет по пути непрерывного роста и совершенствования производства. У нас осуществляется постоянный прогресс техники как в *автомоблестроении*, так и в *тракторостроении*» («Правда»); «Три месяца спустя «багги» из разных городов собрались в Запорожье. Это был второй всесоюзный смотр-конкурс, призванный способствовать развитию «баггистроения» в центральных и южных районах страны» (ж. «Техника — молодежи»). В такой же словообразовательной роли выступает компонент *-дром* (используется для наименования «площадок, приспособленных для различных соревнований, испытаний машин,

взлета и посадки летательных аппаратов»): *аэродром, ракетодром, космодром*; «Признанной школой вождения автомобилей являются *автодромы*»; «Министерство путей сообщения имеет право сооружать *вертодромы* для непосредственных целей стройки» (из газет).

Такое «типичное строительство» основано на том, что каждый из этих компонентов имеет всегда одно и то же постоянное значение и «автоматически» относит вновь созданное слово к определенному разряду наименований. Так же создаются слова с компонентами *-скоп* (*телескоп, микроскоп, фильмоскоп*), *-навт* (*аэронавт, космонавт, гидронавт*), *-тека* (*библиотека, фильмотека, игротека*) и некоторыми другими. Эти примеры свидетель-

ствуют об абсолютной, полной мотивированности таких наименований: по их строению можно определить их значение.

Второй тип — производные слова, значение которых не явно простой сумме значений составляющих их частей (т. е. мотивированность относительная, частичная). Семантика таких слов основана на значении соединяющихся словообразовательных элементов (корня и суффикса или префикса), но имеется еще некоторое «приращение смысла», не мотивированное, не проясняемое структурой слова. Например: кто (что) такой (такое) *транспортник, дорожник, зимник, колясочник*? Почему *попутка* — это попутная машина, *поливалка* — автомобиль, который поливает улицы? А *дежурка* может обоз-

начать не только дежурную автомашину, но и дежурную комнату милиции?

От чего же зависит возникновение и закрепление именно этого значения или этих нескольких значений у слов? С чем связан в каждом конкретном случае добавочный, «непредсказуемый» смысл?

Причины могут быть разные. Прежде всего следует иметь в виду способ образования таких слов: они ведут свое начало от словосочетаний, представляя собой как бы «свернутое» словосочетание. Например, словом *зимник* называют и зимние помещения для скота, и любителя зимней рыбной ловли, и зимний путь (т. е. путь по бездорожью, возможный только в зимних условиях): «В прошлом году я сам участвовал в тяжелейшем пере-

ходе по тысячекилометровому *зимнику* от Улан-Удэ до бамовского поселка Новый Уоюн. Везли на «Магирусах» шитовые дома... по ледовой дороге» (ж. «Юность»). Слово *техничка* может обозначать женщину, занимающуюся уборкой, технической работой в учреждении, общежитии и т. п.; помещение, комнату для рабочих-техников; вместилище, коробку для технических инструментов; специальную автомашину, оказывающую автотранспорту техническую помощь, и т. д. Вот несколько примеров: «Школьный звонок тоже принесли в катакомбы. Наступил день, когда *техничка* Мария Степановна Белявская, взяв в руки звонок, пошла по штреку... Учебный год начали все классы»; «Зиловцы выделили мне старенький *автобустехничку*»; «Круглые сутки разъезжают по трассе «*технички*» — оказывают помощь автомашинам» (из газет).

Основной смысл в слове — от прилагательного, которое может соединяться с широким кругом понятий, а суффиксы сообщают лишь общее значение предмета (или лица), конкретный же смысл слова проявляет, конкретизирует текст.

Среди таких образований немало имен с уже закрепившимся в языке определенным значением. Так, мы знаем, что *электричка* — это «электропоезд пригородного сообщения», а не электрический утюг или электрический чайник; *грузовик* — «грузовой автомобиль» (иногда в новом пласте современной лексики используется слово *грузовик* для обозначения космического корабля, доставившего грузы на орбитальную станцию); *багажник* —

«багажное отделение легкового автомобиля», *маршрутка* — «маршрутное такси».

Этот тип однословных номинативных единиц, возникших на основе составных наименований при помощи некоторых продуктивных суффиксов (-ка, -ик, -ник) и широко представленный в наши дни (о чем свидетельствует не только устная разговорная речь, но и художественная литература, периодическая печать), издавна является одним из традиционных способов наименования в русском языке.

Так, например, возникла еще в конце прошлого века *конка*. На трамвае первоначально применялась *конная тяга*. В 1854 году русский инженер Полежаев построил конно-железную дорогу протяжением 3,5 версты в окрестностях

Петербурга. А первая городская линия конки в России была проложена на улицах Петербурга в 1860 году... По мере роста городов скоростью конной тяги стали недостаточными... Начались поиски более мощных двигателей... Практическое применение на трамвай получила паровая тяга. Первый в России паровой трамвай появился на улицах Одессы в 1868 году. Линия связывала город с курортом. В 1880-х годах начали двигаться паровички по двум линиям в Петербурге — Лесной и Невской... Стало ясно, что ни конка, ни паровик удовлетворить потребности города не могут. (М. Нариссов. Странички истории. Трамвай.)

В начале века, на заре автомобилизации, когда только-только стал распространяться в России автомобильный транспорт и начала складываться «автомобильная номинация», из словосочетаний легко создавались по этому типу однословные наименования, хотя многие из них не прижились в языке и со временем исчезли: *многостека* («многостенный экипаж»), *четырёхколёска* («четырёхколёсный мотор»), *пневматик* («пневматические шины»); «Фирма пневматических шин «Континенталь» организовала состязание в скорости надевания автомобильных пневматиков на обода» (ж. «Автомобиль», — 1902).

«Фундаментом» однословных наименований, возникающих на основе словосочетаний, является прилагательное. Именно оно сообщает значение, влияя на характер нового слова. Широта значения таких прилагательных, как *дежурный*, *технический*, *дорожный*, *зимний* и под., которые могут сочетаться со многими основами, проявляется и в образованных именах — *дежурка*, *техничка*, *дорожник*, *зимник*: они многозначны и могут использоваться с разными значениями в разных контекстах.

Разная степень мотивированности наименований может зависеть и от значения всего типа, к которому производное слово относится. Так, мы уже рассказывали, что суффиксам *-тель* и *-щик* в современном языке свойственно общее значение «производитель действия», т. е. имя, образованное этими суффиксами, может обозначать и «лицо» и «предмет» (орудие, механизм, инструмент и т. п.). Насколько возможна здесь «предсказуемость» — лицо это или механизм? Можно ли по внешнему виду таких наименований определить их значение? Оказывается, в некоторых случаях можно.

Так, например, с суффиксом *-тель* названия лиц,

«производителей действия», могут образовываться как от переходных, так и от непереходных глаголов, а названия орудий действия — только от переходных глаголов. Поэтому такие слова, как *мечтатель*, *соглашатель* (образования от непереходных глаголов), не могут обозначать орудие, механизм, приспособление и т. п. Таким «ограничителем» может быть и значение производящего слова. Например, от глаголов, обозначающих чувства, состояния, некоторые действия, также нельзя ожидать производных с суффиксом *-тель* с «предметным» значением: *нарушитель*, *испытатель*, *водитель*, *любитель*, *строитель* (сюда относятся и сложения с этим вторым компонентом типа *автомобилестроитель*, *автобусостроитель* и т. п.).

Многочисленные сложные наименования с суффиксом *-тель* называют, как правило, только «механизмы»: *борторасширитель*, *трассоискатель*, *пескоразбрасыватель*, *стеклоочиститель* и под.: «Японские изобретатели считают, что ни к чему кнопки, включающие *стеклоочиститель*. Достаточно поставить датчик влаги, и капли даже мелкого дождика приведут в действие резиновые щетки» (В. Демидов. «Электроника четырех колес»).

В словах с суффиксом *-щик (-чи)* степень предсказуемости значения «лицо» — «предмет» зависит от сходных причин. Так, в этой группе имен тоже могут проявляться семантические ограничения, накладываемые смыслом производящего слова. Например, глаголы со значением активного действия дают преимущественно производные слова — имена лиц (*гонщик*, *перегонщик*, *сменщик*, *обходчик*): «Профессия *гонщика* — для смелых людей», «В традиционном автокроссе участвуют сильнейшие автогонщики Москвы, Рязани, Смоленска, Горького» (из газет).

В современном языке, однако, встречается много наименований, семантика которых двупланова, т. е. они могут обозначать и человека, и механизм: *заерущик*, *заправщик*, *погрузчик*, *счетчик*, *утрамбовщик*, *сцепщик* и т. д. Такие номинативные единицы для выражения предметного значения стали использоваться с разными «уточнителями», например *электро-*, *авто-*: «Пешеходом разрешается переходить проезжую часть за спиной регуляторщика» (ж. «За безопасность движения»); «Блестяще работает *авторегулировщик*» (из газет); «Неприхотливые и неприметные в ряду могучих машин нашего века, они стали гибким звеном транспортного конвейера страны. Эти машины — *автопогрузчики*» (ж. «Наука и жизнь»).

Сложные слова с суффиксом *-чик* (*-чик*), как правило, имеют только предметное значение (*асфальтоукладчик, бензозаправщик, снегопогрузчик*): «В две смены действуют *снегопогрузчики, пескоразбрасыватели* и другие механизмы» («Веч. Москва»).

В этой главе мы рассказали о том, как возникают наименования — производные слова, об особенностях их строения и значения и двух типах мотивации.

Производные слова — очень живая и постоянно пополняющаяся новыми образованиями часть словарного состава языка. И в то же время, именно они связывают нас с прошлым, уходят корнями в глубь истории языка. Слова в языке живут не обособленно, одиночками, а «гнездами», «семьями», большой «родней», отражая все многообразие жизни народа, его прошлое, настоящее и даже... будущее, культуру и природу родной страны.

Очень поэтично и верно написал об этом замечательный писатель-лирик К. Г. Паустовский в своей повести «Золотая роза»:

Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли. Для всего, что существует в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов, полей, цветов и трав — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий... Главный и неиссякаемый источник языка — язык самого народа... Особенно ясными для меня стали эти мысли после встречи с одним лесником... Шли мы с этим лесником по мелколесью. Кое-где во мху... попадались маленькие круглые окошца — колоды... Мы остановились у одного такого окошца и навпились воды.

— Родник!. Я большой любитель разбирать слова, — неожиданно сказал лесник и смущенно усмехнулся... Да вот этот самый *родник*. Я это слово давно приметываю. Все его обоживаю. Надо думать, *поучилось оно* оттого, что тут вода *зарождается*. *Родник родит* реку, а река льется — течет через всю нашу матушку землю, через всю *родину*, кормит *народ*. Вы глядите, как это складно выходит, — *родник, родина, народ*. И все эти слова как бы родня между собой. Как бы *родня!* — повторил он и засмеялся.

Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка. Весь многовековой опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключались в этих словах.

К производным словам относятся не только те наименования, которые образованы при помощи суффиксов и приставок, но и разные виды сложных слов: это наименования, имеющие более чем одну мотивирующую основу.

Словосложение как способ номинации известен бы русскому языку издавна (ср.: *балагур, борзопищ, деепричастие, долговязый, лукоморье, опростоволоситься, челобитная* и др.). Сложные слова в наши дни составляют большой класс слов, который активно пополняется новыми наименованиями. Особенно это заметно в тех сферах лексики, которые связаны с новыми областями общественной жизни, науки, производства (*азробус, астроботаника, ракетоплан, луноход, панелевоз, автопоезд, автоэкспресс, микроавтобус* и т. п.).

В русском языке преобладают двухосновные сложные слова, вторая часть которых может быть разнообразной по структуре и количеству слогов. Так, широко используются сложения с подчинительным отношением основ, где «опорными компонентами» служат существительные (простые или суффиксальные), а первая часть представляет собой основу уточнительного «конкретизирующего» характера: *пассажиโรปоток, грузопоток, грузотакси, газоанализатор, микроавтомобиль, микроавтобус, таксопарк, минитакси, микрокалькулятор, микропроцессор* и т. п., например: «Все, что придет на стадион, увидят парад сводной колонны, показ гоночных автомобилей... Гонки на микроавтомобилях «Карт» («Веч. Москва»).

Многочисленную группу представляют имена с первыми частями *электро-, микро-, авто-, мото-* и под. Для удобства мы рассмотрим их в кругу сложных слов, хотя такие номинативные единицы некоторые ученые предлагают считать уже не словами, а составными наименованиями, так как первые компоненты можно отнести к разряду особых неизменяемых прилагательных.

Широкое распространение сложных слов в современном языке во многом связано с экстралингвистическими причинами: возникновение в эпоху НТР массы новых сложных машин, механизмов, предметов, процессов и т. п. требует точных, понятных названий. Этому требованию как раз и отвечают сложные слова, которые, объединяя две или даже более основы, уже своим строением демонстрируют свое значение, дают возможность его «прочитать» (*тепловоздухоотдача, газотурбостроение, автомотолюб*).

Такая «прозрачность» мотивации свойственна, например, сложениям с первыми устойчиво однозначными компонентами (чаще всего это усеченные основы существительного или прилагательного с интернациональным корнем) типа *авиа-, авто-, гидро-, кино-, космо-, макро-, мини-, стерео-, электро-* (*авиалайнер, авиаконструктор,*

СЛОВА
СЛОЖНЫЕ

автоград, гидрокостюм, кинохроника, космотехника, мини-футбол, мини-ЭВМ и под.).

Что же такое *автоград* и *мини-ЭВМ*? Каждый говорящий на русском языке понимает, например, что любое слово с первой частью *кино-* или *космо-* обозначает что-то связанное с кинематографом или космосом, а первая часть *электро-* указывает на предметы, механизмы, работающие на основе электроэнергии, и т. д.: «В Советском Союзе *электротранспорт* получил полное признание и ныне широко применяется в городском хозяйстве» (А. Исаев. От «самобеглой коляски» до ЗИЛ-110); «Наиболее перспективными представляются *электроавтомобили* с двойной системой *электропитания*»; «В цехе разрезает автоматически управляемый крохотный *электротягач* с прицепом-тележкой» (из газет).

Среди таких первых компонентов есть «двуликие» и «многоликие». Например, *авто-, мото-, радио-* и некоторые другие элементы имеют не одно, а несколько значений. Так *авто-* представляет усеченную основу и соот-

ветствует по значению существительному *автомобиль* (или прилагательному *автомобильный*); *авто*²- соответствует по значению прилагательному *автоматический*; *авто*³- имеет значение «самоходный, самодвижущийся».

Конкретное значение сложных слов с этими компонентами определяет, как правило, вторая, опорная основа. Так, имена лиц типа *конструктор, инспектор, гонощик, строитель, герой* и под. не могут соединяться с компонентом *авто*¹-, *авто*²-, так как отражают такие понятия, как «интеллект», «опыт», «совесть», «долг», присущие только человеку, и могут образовывать сложные слова только в сочетании с *авто*¹-, например: «Поскольку новая роль *автомобильных* «мини-ЭВМ» сопровождается многими

полезными эффектами, она привлекла внимание *автоконструкторов* (В. Демидов. Электроника четырех колес); «Дежурный по отделению тут же вызвал *автопатруль*»; «Даже в те отдаленные времена у нас уже были *автогерои*» (А. Злобин. Генеральный директор).

Сам же компонент *авто*¹- может соединяться с очень широким кругом основ, так как выражает лишь весьма общее значение «относящийся к автомобилю» и выступает как эквивалент прилагательного *автомобильный*. Вот только несколько примеров из множества появившихся в современной прессе: «Середина лета, разгар отпусков и соответственно — *автопутешествий*»; «Сорок четыре года спустя с того же места и по тому же

маршруту стартовала *автоэкспедиция*, организованная журналом «За рулем» при содействии Волжского автозавода»; «О некоторых эпизодах каракумского прогона рассказала его участница, о первых соревнованиях по *автокрессу* на грунтовых дорогах поделился воспоминаниями ветеран *автоспорта*»; «Генеральный директор производственного объединения «Мосавтотехобслуживание»... рассказал о том, что предст¹вляет собой сегодня и каким будет завтра *автосервис* столицы»; «Московский городской Совет ВДОАМ открыл в столице для *автомобилей* целый ряд *автостоянок*».

По существу названия с *авто*¹- представляют открытый ряд имен и легко возникают по мере необходимости.

Общий смысл таких образований зависит от конкретного значения второй части сложения. Если это второе слово многозначно (полисеманлично — от греч. poly — «много» + sema — «знак»), то, до тех пор пока слово не закрепится в языке в каком-либо определенном значении, его смысл вне контекста предсказать трудно.

Что, например, означает образование «автопоезд», которого пока нет в современных словарях? Вот в каких контекстах встречается это слово: «*Автопоезда* для подвозки топлива... заменили сотни одиночных бензовозов»; «В отделе главного конструктора Кутанского автозавода имени С. Орджоникидзе создана машина — двухосный *автопоезд* «КАЗ-4430» с повышенной тягой»; «На пере-

рабатывающие предприятия и свекловичные пункты должны были прибыть несколько десятков удлиненных бортоукладочных машин для разгрузки мощных *автопоездов*» (из газет).

Основываясь на одном из значений многозначного слова *поезд*, можно предположить, что *автопоезд* — «ряд автомобилей, следующих друг за другом». Однако, как видно из приведенных выше примеров, новое слово имеет другое значение. По-видимому, это наименование возникло путем переосмысления: мощные машины с прицепом (ср. *поезд* — «состав из сцепленных вагонов») выполняют в значительной степени функции поезда (по грузоподъемности), например: «Сейчас в угольных карьерах проходят последние государственные испытания 75-тон-

ный самосвал и 120-тонный *автопоезд*» («Лит. газ.»).

Есть и такие номинативные единицы, где компонент *авто-* выступает как синоним, заместитель существительного *автомобиль*, а присоединяющиеся слова имеют определяющий, уточняющий характер (обозначая тип автомобиля): *автохолодильник*, *авторефрижератор*, *автягач*, *автоцистерна*, *автофурон*. К этой же группе относятся такие названия, как *автолавка*, *автомагазин*: «Министерство машиностроения... должно обеспечить... выпуск специальных автомашин, и в первую очередь для перевозки хлеба, скоропортящихся продуктов... а также выпуск *автокухонь*, *автобуфетов* и передвижных *автолавок*, *автомагазинов*;» «В необычной автолавке, которую повел в давший рейс Павел Абрамян, нет ни промтоваров, ни продуктов... Дело в том, что Павел Абра-

мян — водитель... передвижного зоомагазина, обслуживающего Узбекистан и другие среднеазиатские республики» («Неделя»).

Такие сложные слова используются не менее активно, чем породившие их составные наименования. Вот один из примеров: «Можно повернуть руль вправо или влево, сделать обгон или остановиться — специальные устройства тут же отметят на экране каждое изменение в движении автомобиля-тренажера... в последующих номерах... мы расскажем подробно об уже существующих и успешно работающих *автотренажерах*» (ж. «За безопасность движения»).

Компонент *авто*¹ легко соединяется и с такими устойчивыми по значению опорными компонентами, как

-бус (автобус), *-кар* (автоэлектрокар), *-дром* (автодром), *-град* (традиционно распространен для названий городов именно этот неполногласный вариант существительного *город*, ср.: *Ленинград*, *Волгоград* и т. п.): «Город Тольятти называют *автоградом*. Такой «титул» ему присвоила Всесоюзная ударная комсомольская стройка — Волжский автомобильный завод» («Комс. правда»).

На примере сложных слов с первой частью *авто-* и вторым компонентом — существительным мы показали один из продуктивных типов номинативных единиц.

Другой распространенный тип представляют сложения со вторым глагольным компонентом. Очень активны в современном языке модели со второй частью *-воз*, *-ход*. Перечень таких новых слов мог бы

знять, наверное, целую страницу. Вот некоторые из них: *панелевоз, рудовоз, бензовоз, автомобилевоз, трубовоз, лесовоз, мусоровоз, муковоз, минераловоз, вездеход, аэроход, планетоход, самоход, снегоболотоход* и т. д.

Обычно имена с компонентом *-воз* обозначают автомобиль, предназначенный для перевозки того, что названо в первой части сложения. Такие названия особенно частотны в языке современной газеты, документальных очерках, теле- и радиорепортажах, их рождает сама жизнь, темпы научно-технической революции. Судите сами: «Машины с мебелью новоселов уступают дорогу мощным *панелевозам* — строится новый крупный микрорайон» («Веч. Москва»); «Следует решить вопрос о

промышленном производстве *молоковозов* со съёмными молокоцистернами... необходимо также разработать новую конструкцию полуприцепа — *скотовоза*». «Появилась возможность сосредоточить на автобусах специализированные автомобили (*балковозы, фермовозы, панелевозы, бетоновозы*)» (из гзет); «На Украине создали на базе тягача «МАЗ-504В» автомобиль-*сахаровоз*. *Сахаровозу* присвоен Знак качества» (ж. «Наука и жизнь»).

Большинство таких слов из-за своей новизны еще не попало в современные словари, лишь некоторые из них зафиксированы словарями новых слов и значений. Например: «Панелевоз, -а, м. Автомобиль с низко расположенной грузовой платформой, предназначенной для перевозки панелей етен и перекрытий»; «Скотовоз, -а, м.

Грузовой автомобиль с высокобортовой платформой для перевозки скота»; «Муковоз, -а, м. Автомобиль с кузовом-цистерной для перевозки муки»; «Плетевоз, -а, м. Автомобиль с одним или несколькими одноосными прицепами, предназначенный для перевозки плетей... Плетя — длинные звенья труб или рельсов, соединенные между собой путем сварки» («Новые слова и значения» — М., 1971).

Так как традиционно слова, созданные по этой модели (основа + -воз), обозначали человека (*молоковоз, водовоз* и т. п.), а в последние десятилетия по этому образцу все активнее возникают названия предметов (автомашин специального назначения), в языке появляются разного рода «различители», «уточнители». Так, предметные значения в ряде случаев подчеркиваются, раскрываются при помощи такого известного уже нам уточнителя, как *авто*: «На последней железнодорожной станции в Маки-те они залили питьевой водой *автомолоковоз*, взяли на всякий случай автотягач. И тронулись почти в тысячекилометровый неизведанный путь» («Комс. правда»); «Муку доставляют насыпью, без тары *автомобили-муковозы*» (ж. «Наука и жизнь»).

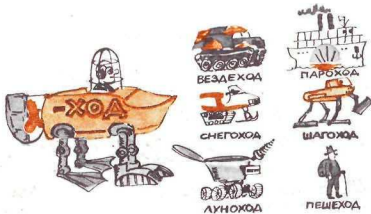
Своеобразным уточнителем («маркером») может выступать суффикс *-ка*, который, кроме того, придает имени разговорно-сниженный оттенок, например: «...банку протопили и Гиви — он тогда работал на *водовозке* — доверху заправил бочки водой» (ж. «Юность»); «У деревенской околицы загудела наконец машина, он вскочил... подхватил рюкзак за лямки и волоком потащил его к выкатившей из-за угла *молоковозке*» («Веч. Москва»).

Новые наименования — сложные слова — легко образуются и при помощи глагольного компонента *-ход*. «Горьковские политехники построили *снегоболотоход*» («Правда»); «К чабанам дальних летних стоянок, преодолев полосу барханов, добрался *вездеход*, груженный арбузами» («Правда»); «Вели платформу с грузом девять мощных тягачей. Вроде бы и безлюдны дзешние степи, а караван постоянно сопровождала настоящая демонстрация. Люди добирались сюда за десятки километров, чтобы взглянуть на *сдуход*» («Комс. правда»). Такие имена чаще всего обозначают средство передвижения по какой-либо поверхности, названной первой частью сложения. Однако в этой группе наименований встречаются и другие виды семантических отношений между первым и вторым компонентами, например: «В

скором будущем на комбинате планируется открыть курсы подготовки водителей *электроходов*.

Номинации этого типа легко возникают для обозначения новых механизмов, новых «реалий» технического назначения, хотя далеко не все из них закрепляются в общем употреблении. Вот хотя бы такие примеры: «Кроссовый *карт-зимоход*, новый вид спортивной техники для снежного времени года» (ж. «Моделист-конструктор»); «Наш придуманный великан-пожарный... ходит совсем иначе, чем его собратья-шагоходы... Что дает роботу его новая походка? Проходимость аппарата чрезвычайная...» (ж. «Моделист-конструктор»).

Строение сложных слов с компонентом *-ход*, как

видим, уже само дает «общие сведения» об их значении. Как правило, они называют «механическое нерельсовое средство передвижения или перевозки».

Примером продуктивности глагольного компонента может служить активно пополняющийся в современном языке группа слов со второй частью *-провод*: *безопровод*, *водопровод*, *воздухопровод*, *газопровод*, *грунтопровод*, *керосинопровод*, *краскопровод*, *мусоропровод*, *нефтепровод*, *паропровод*, *продуктопровод*, *пульпопровод*, *пылегазовоздухопровод*, *молокопровод*, *рыбопровод*, *солепровод*, *топливопровод*, *цементопровод* и мн. др.

Сложные наименования этого типа объединяются общим значением «система труб для передачи различных веществ (жидких, газообразных, сыпучих) на расстоянии». *Трубопроводы* образуют «особый вид транспорта

для быстрой и экономичной передачи на большие расстояния цемента, угля, муки, сахарной патоки, хлопка...» (Н. А. Мезенин. Занимательно о железе). Вот ряд примеров из современной прессы: «Борьба со стихией продолжалась семь суток, изо дня в день, и бригада вышла из нее победителем: аппаратный двор был отделан, *паропровод укрыт*; «Землечерпалка нового образца снабжена устройством, дающим возможность грунт, поднятый со дна, по *пульпопроводу* направлять куда угодно».

Наиболее старыми по времени возникновения в этой группе являются слова *водопровод* и *газопровод*. В Руси водопроводные сооружения появились в XI—XII вв. Возникновение самого слова *водопровод* надо относить к более поздней эпохе — к XVIII в. Впервые оно было зафиксировано «Словарем Академии Российской» 1789 г. До XVIII в. этому значению соответствовали слова *водоважа* (от старославянского — *водоважда*) и *водоводь*; более распространенным и поздним было образование *водовод* (его включил еще В. И. Даль в свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка»). Но постепенно все большую употребительность начинает приобретать слово *водопровод*, которое в современном языке окончательно вытеснило из широкого употребления слово *водовод* (оставшееся в узком кругу технической терминологии).

В современном понимании термин *газопровод* — «трубопровод, служащий для передачи газа на расстояние»: «Первый магистральный *газопровод* был построен в 1940—1941 гг. от газового месторождения Дашава (УССР) до г. Львова (протяжением 69 км, диаметр труб 300 мм) (БСЭ). Слово *газопровод* существовало в русском языке уже в конце прошлого века (отмечено в словаре В. И. Даля и в «Словаре русского языка», составленном II Отделением Академии наук. — СПб, 1909). Тогда газопровод обозначал преимущественно «систему труб для передачи светильного газа, служящего для освещения улиц и домов»: «Более ста лет тому назад [в Петербурге. — Е. Г.] на Большой и Малой Морских улицах, которые носят сейчас имена Герцена и Гоголя, были проложены первые в нашей стране уличные *газопроводы*. Они служили для подачи газа в фонари, а позднее начали использоваться для газификации домов» («Веч. Москва»).

Точных сведений о времени появления большинства

подобных сложных слов нет. В 60—70-е гг. прошлого столетия в России начинается добыча нефти и ее переработка. К этому же времени, возможно, следует отнести и появление соответствующих терминов (*нефтепровод, трубопровод* и др.): «В России сооружение первого магистрального *трубопровода (керосинопровода)* Баку — Батуми, протяжением 842 км, закончено в 1907 г.» (БСЭ). *Керосинопровод* был зафиксирован в «Словаре русского языка» II Отделения Академии наук (1909 г.).

В русском языке заметное распространение эти слова получают с 30-х гг. XX в., когда развертывается массовое строительство таких сооружений. В этой группе наименований привлекает внимание термин *углепровод*,

являющийся новообразованием последнего времени: «Во Львовско-Волынском угольном бассейне на Украине прокладывают первый в нашей стране подземный *углепровод*» («Пионерская правда»); «Во Львовско-Волынском угольном бассейне начато сооружение первого в стране опытно-промышленного *гидроуглепровода* для транспортировки топлива» («Советская Россия»). Не так давно в связи с широким строительством новых домов со всеми удобствами появилось слово *мусоропровод*. Оно зафиксировано в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (2-е изд. — 1952; в 1-м издании 1949 г. его еще нет).

Приведенные выше примеры (*газопровод* и др., кроме слова *мусоропровод*) говорят о сооружениях из труб большого сечения и большой протяженности (так на-

зываемые магистральные трубопроводы). В приборах, мотарах (в авиационной, автомобильной механике) для передачи газообразных и жидких веществ используются системы небольших по размеру труб и трубок. Эта разновидность охватывает широкий круг терминов (включая и некоторые из приводимых выше): *бензопровод (бензинопровод), воздухопровод, маслопровод, паропровод, смешепровод, топливопровод, трубопровод* и др.: «Надеюсь, что эксплуатационная проверка работоспособности полихлорвиниловых *топливопроводов* низкого давления даст желаемые результаты» (из газет).

Некоторые из таких сложных слов имеют синонимические параллели (с бесприставочной второй частью): *воздухопровод — воздухоход, пульпопровод — пульповод* (ср.: *водопровод — водовод*). Сложные существительные с основой *вод-*, обозначающие сооружения, механизмы (*бетоновод, воздуховод, пульповод* и др.), активно стали появляться в последнее время.

Сложные слова со второй частью *-провод* более распространены и употребительны, во-первых, потому, что язык избегает омонимичности основ (*кукурузовод* — человек, *пульповод* — сооружение и т.п.), и, во-вторых, приставка *про-* сообщает глаголу направление действия сквозь что-либо, глагол *проводить* и его образования конкретнее, уже, точнее.

Такие наименования получают большое распространение в нашем языке в 40—50-е гг. в связи с широким введением в жизнь новых сооружений. Если в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940) многих из них еще нет (*воздухопровод, маслопровод, мусоропровод, пульповод, теплопровод*), а другие снабжены пометами «спец.», «техн.», то в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972) и в 17-томном «Словаре русского языка» АН СССР (М., 1947—1965) большинство этих слов приводится уже без помет, что свидетельствует о значительной распространенности этих терминов в последние годы, о переходе их из узкого круга лексики специалистов в сферу общего употребления.

В последнее десятилетие в разных пластах современной лексики возникают многочисленные слова с тем же общим значением «система труб для передачи чего-либо на расстояние». С развитием механизации и автоматизации транспортируется таким образом молоко, рыба, краска, цемент, хлопок и проч. (*краскопровод, муссо-*

провод, продуктопровод, цементопровод): «Доярка по стальной линейке отметила количество удою и переклонила шланг с доильного аппарата на *молокопровод*» (ж. «Техника — молодежи»); «Внедряется новая техника в процессы приема, транспортировки и обработки рыбы — рыбонасосы, *рыбопроводы*, рыбообделочные машины находят все более широкое применение» (ж. «Техника — молодежи»); «Второй *трубопровод* еще строится. Это *солепровод*» (ж. «Огонек»).

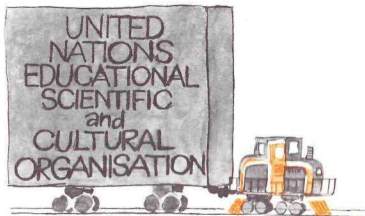
Сложение слов (основ), как мы уже упоминали в начале этой главы, являет собой старый, «заслуженный», способ создания наименований в русском языке

ке. Такие слова могут быть разнообразными по структуре, например «осложненными» разными суффиксами: *огнетушитель*, *первооткрыватель*, *первопроходец*, *горнолазник*, *шюкланетянин*, *землечерпалка*, *кофемолка*, *травкосилка*, *Замоскворечье* и т. п. Они могут представлять и «сочинительные» (т. е. имеющие равноправные, равнозначные части — *десотундра*, *плодоовощи*) и «подчинительные» отношения основ (когда первая часть сложного слова конкретизирует, уточняет вторую, опорную, основу). Выше мы рассматривали именно такие сложения, они представляют продуктивные типы номинативных единиц в современном языке, широко распространены и постоянно принимают в свои ряды, как можно было убедиться, «новое пополнение».

К этому традиционному типу номинативных единиц примыкают сложносокращенные слова, или, как их еще называют, аббревиатуры (от итал. *abbreviatura* < лат. *abbrevio* — «сокращаю»).

В нашей повседневной речи часто звучат такие слова, как *вуз*, *профком*, *соцсоревнование*, *ДЭЗ*, *БАМ*, *ГАИ*, *ЭВМ*. А в речи школьников еще чаще, наверно, встречаются *завуч*, *комсорг*, *физкультура*, *спортзал*. Все мы не раз оказывали помощь подшефному колхозу, писали заметки в *стенгазету*, ходили за покупками в *универмаг*.

Привычно употребляя эти слова по несколько раз в день, мы совершенно забываем, что они «особенные» — сложнокоренные, возникшие из слияния нескольких частей или соединения начальных букв нескольких слов.

Сокращенные образования применяются для названий государств, республик — *СССР*, *УССР*, *ГДР*, *ВНР*, в наименованиях учебных заведений — *МГУ* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *ВГИК* (Всесоюзный государственный институт кинематографии); научно-исследовательских институтов и лабораторий — *ВИНИТИ* (Всесоюзный институт научной и технической информации); в названиях учреждений, организаций, различных объединений — *ВЦСПС*, «*Мосфильм*», *Интурист*, *Госкомиздат*, в том числе организаций между-

народного масштаба — МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии), ФАИ (Международная авиационная организация), ЮНЕСКО; в названиях трестов, заводов, шахт, электростанций, месторождений полезных ископаемых — Донбасс, Кузбасс, КАТЭК (Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс), АСУ, ГЭС, ТЭЦ; в наименованиях машин — ЗИЛ (завод им. Лихачева) и т. п.

Что же представляют собой эти слова? Когда и как

они появились в русском языке? Для этого нам потребуется немного истории.

Сложносокращенные слова в русском, как и во многих других европейских языках, возникли во второй половине XIX в. и особенно распространились с 20-х гг. нашего столетия.

Развитие капитализма, бурный рост крупной промышленности привели к возникновению различных капиталистических объединений. Их длинные названия создавали неудобства в практике общения, и Общество по продаже металлических товаров в России превращается в ПРОДАМЕТУ (ПРОДАМЕТ), Южнорусское общество тор-

говли аптекарскими товарами — в ЮРОТАБ. Появляются ЛЕНЗОТО, РУСКАБЕЛЬ, ПТА (Петроградское телеграфное агенство), АМО (Автомобильное московское общество — название завода и марки автомобиля) и др.

Свое влияние на распространение сложносокращенных слов оказала и первая мировая война, когда для обозначения военных должностей, подразделений, видов оружия в приказах и донесениях использовалось много сокращений, например *комбат, начдив* и т. п., которые переходили в устную речь военных. Некоторые из них приживаются в языке и делаются самостоятельными словами.

После Великой Октябрьской революции, в годы гражданской войны, в период первых пятилеток появилась масса новых понятий, явлений. Создавались, например, рабочие факультеты, курсы ликвидации безграмотности. Темп жизни требовал экономить минуты, и длинные, но необходимые названия превращались в короткие слова — *рабфак, ликбез, краском, нарком, женотдел, всеобуч, вуз* и мн. др.

Такой способ образования слов широко распространяется в те годы.

Возникают и закрепляются в языке многочисленные образования с начальными *сов-, сос-, сель-, пред-, зам-, зав-, спец-: совнархоз, Госплан, сельсовет, спецкор, заххоз, замдиректора* и т. п.

В разговорной речи, в печати, в художественной прозе и даже поэзии используются разнообразные сложносокращенные названия. Много таких слов находим в стихах Маяковского, Асеева, Д. Бедного, Есенина. Например, у Маяковского:

Труден и тяжек
 путь *селькоря*,
 Но славят и чтут нас
 каждый день.
 («Селькор»)

Молодежь —
 это имя — дар
 тем,
 кто влнт в боевой *КИМ*,

тем, кто бьется,

чтоб дни труда
были радостны и легки.
(«Секрет молодости»)

На основе сокращений возникало много имен (*Рэма* — революция, электрификация, механизация), шуточных названий, каламбуров. Увлечение сокращениями доходило до курьезов. К. И. Чуковский в своей книге «Живой как жизнь» пишет: «Еще один пострадавший: Сиврэн — сокращенная форма четырех замечательных слов: Сила, Воля, Разум, Энергия. Можно быть твердо уверенным, — добавляет он, — что ни один из его сыновей не будет Сиврэнно Сиврэнвичем». Там же писатель вспоминает, как удивился Александр Блок, когда ему однажды при прощании сказали: «Чик!», что должно было означать: «Чуть имею кланяться!» В «Республике ШКИД» — так прозвали ребята из книги Г. Белых и Л. Пантелеева «Школа имени Ф. М. Достоевского» — рассказывается, как ученики, увлекаясь сокращениями, переделали, например, Виктора Николаевича Сорокина в ВикНикСора.

Увлечение подобными сокращениями скоро прошло, однако некоторые из таких названий остались в языке, получили право на существование. Широко известны художники Кукрыники — так называли в те годы свой творческий коллектив М. Куприянов, П. Крылов, Ник. Соколов.

До сих пор любителям фотографии известен аппарат ФЭД. В 20-х гг. такие фотоаппараты делали ребята — члены коммуны им. Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Среди разнообразных новых сложносокращенных слов было много неудачных, нелепых, тяжеловесных и неблагозвучных, что вызывало естественное сопротивление со стороны говорящих. В печати, в художественной литературе, в фельетонах велась борьба против безграничного использования «сокращенных сорняков».

Советский языковед академик Л. В. Шерба писал: «Одним из высших мерил достоинства языка является его общепонятность... В тех случаях, когда расшифровка затруднена, а слово необщепотребительное... сложносокращенные слова решительно вредны, так как непонятны».

В. И. Ленин в своих статьях, выступлениях, устных беседах неоднократно высказывался против увлечения сокращениями. Известно, например, его возмущение словом *шкрябы* (так «сократили» название *школьные работники*), сокращением *УНОВИС* (*утвердители нового искусства*) и

многими другими подобными уродцами. Это, однако, не значит, что Владимир Ильич совсем не признавал сложносокращенных образований. В сочинениях В. И. Ленина, естественно, используются многие аббревиатуры, вошедшие в язык после революции, например *Совнарком*, *исполком*, *профсоюз*, *всеобуч*, *совхоз*, *партсъезд*, *ГОЭЛРО*, *ВЦСПС* и др., но используются избирательно, в зависимости от характера аудитории, от жанра и иных особенностей речи... Аббревиатуры, которые могут быть непонятны читателям, слушателям, Ленину, как правило, поясняет.

Со временем сложносокращенные образования утверждаются как особый разряд новых слов в нашем языке.

С точки зрения законов грамматики они не являются чем-то чуждым и насильно навязанным нашему языку, «шифрованными символами», «бессмысленными иерогли-

фами», «телеграфными кодами», как их называют некоторые.

Они входят в систему языка, принадлежат определенной части речи — имени существительному и обладают грамматическими признаками этой части речи. Так, большинство сложносокращенных слов имеет род (*заводской профком*, *институтская стенгазета*, *межрайонное соцсоревнование*).

Склоняются ли сложносокращенные слова? Большинство может изменяться по падежам и числам, как обычные существительные мужского, женского и среднего рода: «В советских *вузах* все студенты занимаются физкультурой», «При ДЭЗах создают *спортплощадки*», «На *турбазах* разработаны маршруты разной степени трудности», «Мы работаем на *КАТЭКе*» («Комс. правда»).

Однако не все сложносокращенные слова могут изменяться по падежам и числам. Не изменяются, например, аббревиатуры, состоящие целиком из согласных — *СССР*, *РСФСР*, *ВДНХ* и др. Аббревиатуры, оканчиваю-

щися на гласный, типа МГУ, МГПИ, РОНО, АСУ тоже относятся к несклоняемым существительным.

Иногда в сложносокращенных словах последняя часть имеет форму косвенных падежей: *замдиректора, завкафедрой*. Сравните шуточное у Маяковского:

*Завнебом вежливо спросил,
какие звезды над Бразилией?*
(«Пролетарка, пролетарий, заходите в Планетарий»)

Такие имена тоже не склоняются.

Как уже видно из всех этих разнообразных примеров, сложносокращенные слова не представляют единства и по форме и по грамматическим признакам. Выделяется несколько типов аббревиатур: 1) образованные сочетанием начальной части слова и целого слова (*пластмасса,*

техпомощь, медсестра); 2) словогового типа, состоящие из начальных частей слов (*комсомола, профком, совхоз*); 3) образованные соединением начальных звуков или букв нескольких слов, так называемый инициальный тип (*вуз, ГАИ, лавсан*). Аббревиатуры этого типа называют также акронимами (от греч. акрос — «крайний» и опота — «имя»). Такому побуквенному сокращению могут подвергаться не только словосочетания, но и сложные слова, например: *ГЭС* — гидроэлектростанция, *ТЭС* — теплоэлектростанция, *СЭС* — солнечная электростанция и т. п. Последняя разновидность сложносокращенных слов особенно легко пополняется новообразованиями, которые возникают в разных сферах языка. Вот только один пример из многочисленных инициальных аббревиатур: «Начало жизни и биологической эволюции связано с появлением *ДНК* (дезоксирибонуклеиновой кислоты) — веществ-

ва, способного воспроизводить себя, и не только себя, а и те изменения, которым оно подвергается» («Мир человека»).

К этому же типу относятся и некоторые другие специальные наименования, ставшие интернациональными и широко известные в разных современных языках. Таково, например, слово *лазер*, составленное из начальных букв английского словосочетания Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation — «усиление света путем индуцированного (вынужденного) излучения». Первые лазеры были созданы в 60-е гг. XX в. Быстрое распространение и всеобщая известность

этого термина связаны с высокой эффективностью самого прибора и его широким применением в разных областях жизни (технике, связи, медицине): «Еще одно техническое новшество самого последнего времени — *лазерный* принтер — обязано своим рождением широкому распространению *лазеров* и появившейся возможности с огромной точностью менять в пространстве расположение луча, а также включать и выключать *лазер* за ничтожно малые промежутки времени. Машина управляет *лазерным* лучом, ведя его по странице бумаги, по поверхности барабана печатной машины или же по фотошленке» (ж. «Знание — сила»).

дезоксирибонуклеиновая кислота

ДНК

На основе приведенных типов, ставших уже традиционными, в наши дни возникает масса их разновидностей, когда в аббревиатуре могут быть одновременно представлены и начальные буквы, и слоги, и части слов, и целое слово: *Днепрогэс*, *ГОСТ* (Государственный стандарт), *Гипротеатр* (Государственный институт по проектированию театров), *НИИМеханики* (Научно-исследовательский институт механики), *Совтрансавто*, *бионика* (биологическая электроника), *магнитола* (магнитофон + радиолa), *герлен* (герметизирующая лента) и т. п. Одним из первых (еще в 40-е гг.) образований этого типа было слово *самбо* — название спортивной борьбы, созданное путем соединения части слова *самооборона* и начальных букв слов *без оружия*. Эта аббревиатура легко вошла и закрепилась в языке, возможно, потому, что была похожа на обычное слово (известное название танца — самба).

Подобные случайные звуковые совпадения стали использоваться уже сознательно, намеренно при создании аббревиатур. И такая «омонимия» (от греч. *homonymia* — «одинаковость звучания, сходство звучаний слов при различии значений») не только не мешает, но даже способствует появлению новых наименований, так как ставит их сразу в ряд «обыкновенных» слов. Особенно широкое распространение данный способ образования сложносокращенных слов, по форме напоминающих уже существующие наименования, получил в последние десятилетия. Так возникли *БУКВА* (бортовое устройство контроля вождения автомобиля), *КРОСС* (контроль и регулирование обеспечения и состояния строительства), *СПРУТ* (спасательный плот, разборный, универсальный, туристский) и многие другие.

В этой своеобразной «языковой игре» проявляется богатый мир ассоциаций и переосмыслений, рождающих новые наименования. Вот еще несколько ярких представителей из «компаний» аббревиатур: «В столице появилась и другая «светофорная программа»... Имя новых светофоров *«Изумруд»*. По цвету зеленого сигнала. Впрочем, милиционеры расшифровали это название по-своему: «Изумительный Регулировщик Уличного Движения»... Мне объяснили, что в них (милиционерах-регулирующих) нет нужды. «Изумруд» один справляется» (Ю. Круторов. Рассказы о нашей Москве); *«СТАРТ»* — так сокращенно называется Система ТелеАвтоматического Регулирования Транспорта Москвы...

Еще один интересный пример: специалистом, пришедшим в издательство «Правда» на демонстрацию технического новшества (летом 1985 г.), вручался следующий текст: «Дорогой товарищ! Вы участвуете в первой демонстрации опытного образца многофункционального рабочего автоматизированного места обслуживания редакции — *МРАМОР*. На базе *МРАМОРА* создаются разнообразные рабочие места для автоматизации деятельности при вводе, редактировании и подготовке к печати разных изданий — газет, книг и журналов — с последующим безбазорным получением печатных форм» (ж. «Знание — сила»).

Постоянно возникающие подобные наименования демонстрируют продуктивность этого способа номинации в наше время и богатые возможности современного русского языка. Аббревиатуры как тип слов стали частью современного языка, необходимым звеном в системе наименований. Наиболее простые по форме, соответствующие произносительным и грамматическим нормам современной речи аббревиатуры являются своеобразными образцами для новых наименований в разных сферах нашего языка. Так, например, сокращенные названия часто получают разнообразные продукты Большой химии. Вспомним здесь добрым словом *лавсан* — материал, имя которого составлено из первых букв названия *Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук*, получивший это синтетическое волокно.

Слово *лавсан* не только само прочно вошло в наш лексикон, но и привело с собой другие: «Большая химия открывает перед легкой промышленностью все новые возможности. Сегодня из Косино привезли в институт первые образцы *мэлана* — малозастежное лавсана. Эта объемная синтетическая нить еще более устойчива, пушиста и совсем не сваливается при стирке» («Веч. Москва»); *«Летилан*: не правда ли, звучное название? Составили его первые буквы названий двух учреждений, сотрудники которых разработали новое волокно, — Ленинградского текстильного института и Латвийской Академии наук» («Правда»). Еще пример: «Новый материал назван *ситалл*, — говорит профессор. — Название возникло из слияния двух слов — *стекло* и *кристалл*. Это не случайно. В материале стеклянная масса, пройдя определенный процесс, приобретает новые свойства — кристаллизуется. В результате хрупкое стекло становится настолько прочным и стойким, что пригодно для сооружения домов, изготовления кровли, лестниц, перил, труб» («Известия»).

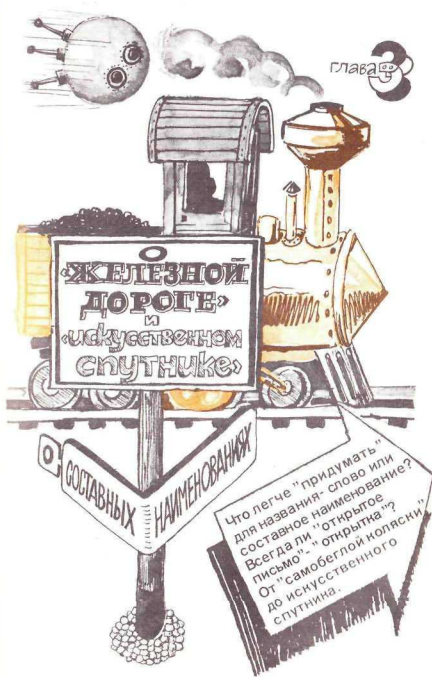

Жизнеспособность таких новообразований подтверждается образованием от них других слов, например: «В Советском Союзе создается новая отрасль промышленности — *ситаллургия*. Она будет поставлять особое стекло, которое не уступает по прочности бетону» (из газет). Именно эта способность служить производящей основой, давать начало другим словам (как и способность склоняться, изменяться по падежам и числам) говорит нам о том, что аббревиатура стала словом, самостоятельной номинативной единицей. Используя многие слова, мы забываем, что они «произошли» от аббревиатур — так привычны и естественны они в нашей речи: *вузовский, комсомольский, комсомолец, метростроевцы, газик, рафик, лазерный* и т. п.

«Словность», самостоятельность сложносокращенных образований подтверждается и тем, что многие из них уже не имеют полного смыслового соответствия с теми сочетаниями слов, из которых появились. Например, *колхоз* — это не просто «коллективное хозяйство», а «производственное, социалистического типа, объединение трудящихся крестьян для коллективного ведения сельского хозяйства» (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. — М., 1988). Сложносокращенные слова, прочно вошедшие в нашу речь (письменную и устную), заимствуются другими языками. Во многих странах сейчас известны, например, не только наши слова *комсомол, вуз, стенгазета*, но и такие образования последних лет, как *бионика, Совтрансавто, Интеркосмос, БАМ, СЭВ* и другие.

Номинации этого типа, как мы видим, активно используются в современном языке, верно нам служат, обозначая разнообразные явления, понятия, ставшие привычными, необходимыми в нашей повседневной жизни.

Возьмите любой номер газеты. Вот только часть таких слов, встретившихся, например, в «Комсомольской правде»: *горком комсомола, детсад, спорткомитет, спорткомплекс, совхоз, колхоз, педучилище, пединститут, турбаза, вуз, ТАСС, ЭВМ* и другие.

Образование наименований при помощи суффиксов и префиксов и путем сложения или сокращения нескольких слов в одно, как вы могли убедиться, в современном языке происходит очень активно.

Не менее широко используются и составные наименования (словосочетания). Ими обозначаются многочисленные новые предметы и явления, вошедшие в нашу повседневную жизнь: *скоростная магистраль, подземный переход, разделительный газон, магнитофонная приставка, кухонный комбайн, стиральная машина* и т. д.

Словосочетание становится номинативной единицей в том случае, если оно приобретает устойчивость, т. е. начинает употребляться в нашей речи как готовое наименование, с одним и тем же постоянным значением, например: *искусственный спутник, космический корабль, научно-техническая революция* и т. п.

На словосочетания и их соотношение со словом обращали внимание уже авторы первых русских грамматик, начиная с Ломоносова. Одним из первых в XIX в. указал на особый тип словосочетаний академик Ф. Ф. Фортунатов: «В русском языке такое сочетание слов, как *железная дорога*, однородно по значению с слитным словом, так как по значению это сочетание слов не разлагается на слова *железная* и *дорога* в их сочетании без изменения значения».

Советский языковед академик В. В. Виноградов, отмечая многообразие форм и типов словосочетаний, служащих «средствами общественного обозначения разных предметов и явлений», назвал словосочетание «сложным именованьем», которое «несет ту же номинативную функцию, что и слово». Об этом и о многих других важных и интересных вопросах, касающихся современного языка, он написал в своем фундаментальном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (М.: Л., 1947).

Продуктивность составных наименований в разных

сферах современного языка прежде всего связана с экстралингвистическими причинами: потребностью общества в номинации массы появившихся, неизвестных ранее явлений (новых процессов, новых объектов реального мира, технических новшеств и т. п.) словами с предельно ясной мотивированностью. Такими названиями и являются словосочетания, в которых, как правило, значение целого — всего наименования — складывается из значения составляющих его частей. Поэтому легче, проще во многих случаях образовать составное имя-название, чем придумать новое слово.

К составным наименованиям относятся разные типы устойчивых словосочетаний, например: *черный хлеб, зеленый массив, красный уголок, Дом культуры, Дворец*

спорта, мастер машинного доения, оператор животноводческого комплекса и т. п.

В лингвистических исследованиях термин «устойчивость» иногда используется как равнозначный термину «фразеологичность». Правильнее считать, что это не тождество — те понятия, а пересекающиеся, перекрещивающиеся.

О фразеологии и фразеологизмах существует большая лингвистическая литература, есть и словари (например, «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова (М., 1967)). Однако в науке пока нет единого мнения по поводу того, что такое фразеология, каковы ее границы и объем, как соотносятся устойчивые словосочетания и фразеологические единицы. Их многое сближает, но существует и важное отличие: сос-

главные наименования представляют типовые, действующие в языке модели, в них не утрачиваются связи между словами и сами слова сохраняют свои обычные признаки (значение, формы изменения); основной же чертой фразеологических единиц является их единичность, уникальность значения, отсутствие типовых, обычных (грамматических и семантических) связей между словами. Вспомните любой фразеологизм: *заморить червячка, клевать носом, братья за ум, одет с иеолодик, (бежать) во все лопатки, проливать свет (на что-нибудь)* и т. п.

Подобные примеры достаточно красноречиво говорят об отличиях фразеологических единиц от составных наименований, структура которых отражает живые синтаксические связи, живые тенденции, существующие в современном русском языке.

Разные лексические сферы дают многочисленные примеры составных наименований. Мы покажем основные типы на материале лексики, отражающей современное состояние и историю развития автомобилизации, так как «автолексика» (назовем так условно весь круг слов, круг номинаций, связанных с этой тематикой) относится к наиболее живым, подвижным пластам современного лексикона. Здесь фиксируются все новые явления (предметы, процессы, понятия) одной из самых актуальных общественных сфер современной жизни и производства. Эта лексика интересна и показательна и потому, что находится на границе общелитературного языка и специальных сфер и вбирает в себя новообразования разговорной речи, профессионализма, терминологические слова и словосочетания. Большинство таких наименований становятся общезвестными и широкоупотребительными благодаря широкому использованию в нашей жизни самих «реалий» (разных видов автомобиля, его деталей, обслуживающей техники и т. п.).

Составные наименования, столь многочисленные сейчас в разных сферах нашего языка, использовались для номинации и раньше. Так, уже в начале века, когда только складывалась, формировалась эта группа лексики, активно возникали разнообразнейшие составные наименования: *моторная телега, коляска с мотором, моторная коляска, самодвижущийся экипаж* и др. Вот только несколько примеров из первых номеров журнала «Автомобиль» (1902 г.): «В скором времени откроется первый в России громадный автомобильный парк на 50 колясок»; «С журналом «Автомобиль» в руках каждый убежденный сторонник авто-

мобилизма делается нашим сильным союзником и сотрудником в деле распространения по России «*моторных колясок*», «*омнибусов*»; «На прокат желая взять *двухместный четырехколесный мотор*» (из объявления).

Можно заглянуть и в более далекую историю. Изобретение автомобиля обычно связывают с именем французского инженера Жозефа Кюнье, который в 1769 г. построил «паровую телегу» для перевозки военных грузов. Это был первый грузовой автомобиль. Однако он оказался малоприменимым для дела, потерпел аварию и попал в музей. Но техническая мысль в разных странах стремилась к созданию такого вида транспорта. Оригинальным путем шли русские изобретатели. В 1752 г. замечатель-

ный русский мастер Л. Л. Шамшуренков создал первый в России самоходный экипаж — «*самобеглую коляску*». В конце XVIII — начале XIX в. создание разных типов «самоходных», механических экипажей шло рядом с развитием парового железнодорожного транспорта, что находило отражение и в соответствующих параллельных наименованиях, например: *паровые самоходы, паровоз для дорог* и т. п.

Составные наименования были наиболее простым способом назвать, обозначить «новое». Этот тип наименований в наши дни особенно укрепился и расширил свои возможности.

Наиболее частотны в современном языке составные наименования типа «имя прилагательное + имя существительное» и «имя существительное + имя существитель-

ное», т. е. преобладают, по словам академика В. В. Виноградова, сочетания существительных с определительными словами в широком смысле этого термина.

Покажем это на некоторых примерах из современной общей и специальной периодики: «Есть правило, о котором нужно помнить и водителям и пешеходам: *тормозной путь* автомобиля увеличивается вдвое быстрее, чем растет скорость машины. Поэтому быстро идущий автомобиль трудно остановить при неожиданном появлении пешехода на *проезжей части*; «Наличие значительных как *пешеходных*, так и *транспортных потоков* потребовало для организации безопасного движения запрещения *левых поворотов* непосредственно на пересечении. Разрешены *правые повороты* на местные проезды Ломоносовского проспекта»; «Водитель потерял контроль над машиной, «Москвич» стремительно переехал *разделительную полосу*, колесо задержал *бордюрный камень* тротуара», «На автостанциях курортных городов Алушты, Евпатории, Ялты открыты диспетчерские пункты по приему заказов на *междугородные такси*. Восстановлено движение *маршрутных такси* от Симферопольского аэропорта до Ялты и до Евпатории».

К таким двусловным номинативным единицам примыкают трехсловные сочетания, в которых сообщаются, уточняются разнообразные видовые признаки: *автоматическая моечная станция, запрещающий дорожный знак, сферическое ветровое стекло, крайний левый ряд* и т. п.: «Новая скоростная *кольцевая магистраль* станет дублером Садового кольца»; «Нужно напомнить ребенку, как вести себя у светофора на *нерегулируемом пешеходном переходе*».

Второй распространенный тип составных наименований — «существительное+существительное»: *панель приборов, система охлаждения, ремни безопасности, полоса движения, линия диагностики*; «Станция *диагностики* в городе ежегодно будет пропускать более 50 тысяч автомобилей» (ж. «За рулем»).

Нередко встречаются составные наименования другого типа: *магистраль непрерывного движения, талон общественного предупреждения, право преимущественного проезда*. Общий смысл таких сложных названий складывается из значений всех трех слов; пропустить, например, прилагательное нельзя, без него все словосочетание теряет свой смысл: *служба [линейного] контроля, машина [повышенной] проходимости* и т. д. При помощи

составных наименований этого типа можно точнее обозначить, назвать разнообразнее видовые признаки, уточнить качества, свойства многих новых понятий.

В русском языке такого типа названия использовались издавна при необходимости охарактеризовать какое-либо качество, количество, вес, возраст и т. п., например: *двигатель средней мощности, стол красного дерева, человек средних лет, женщина твердого характера, девушка необыкновенной красоты*.

Составные наименования, как можно было заметить, разнообразны и по строению, и по форме, и по степени семантической (смысловой) спаянности компонентов, и по степени терминологичности. Такие устойчивые сочетания, как, например, *проезжая часть, ветровое стекло, привязные ремни, ближний свет*, близки по функции к термину: «Световая сигнализация: при въезде в туннель должен быть включен «ближний свет» (ж. «За безопасность движения»).

Их терминологичность связана в первую очередь с характером определяющего компонента: однозначность, узость, конкретность значения прилагательного создает большую смысловую слитность и устойчивость словосочетания. Например, прилагательное *ветровой* имеет только одно значение: «ветровое стекло» (в автомашине). Отсюда и однозначность составного наименования.

Но в составных наименованиях широко используется и другой тип определений — прилагательные, обозначающие лишь общую идею отношения к предмету. Конкретизация значения происходит в самой речи, тексте, например: «транспортный» может быть поток, дисциплина, происшествие и т. д.; «маршрутный» — указатель, лист, такси и др.; «дорожный» — знак, обстановка, указатель и т. п.; «водительский» — долг, права, обязанности, кресло и т. д.

Под влиянием ряда причин, и прежде всего в связи с тем, что эта лексика находится в живом активном употреблении у огромной массы людей, многочисленные составные наименования могут подвергаться, как говорят ученые, «структурно-семантическому сжатию», т. е. образовывать параллельные однословные имена, более удобные в некоторых случаях для целей коммуникации (общения, сообщения), например: «Интересы любого автолюбителя выражены в желании иметь как можно меньше нарушений ПДД... Вместе с сотрудником Ленинского

отделения ГАИ... мы поехали в педагогический институт посмотреть, как воспитывают в будущих воспитателях наших детей уважение к *Правилам дорожного движения*» (ж. «За безопасность движения»). «Когда по *Московской кольцевой автомобильной дороге* прошли первые колонны транзитных грузовиков... стало ясно, что *МКАД* дает огромный выигрыш во времени» (там же).

«Языковая экономия» может проявляться и в других видах, например в образовании, как мы уже показали выше, однословных номинативных единиц при помощи суффиксов (*малолитражный автомобиль* — *малолитражка*, *маршрутные такси* — *маршрутка*, *бетонное шоссе* — *бетонка*), метафорических и метонимических переносов (Московская кольцевая автомобильная дорога — «кольцо», об этом пойдет речь в следующей главе).

Активное образование устойчивых составных наименований и не менее активное возникновение однословных номинативных единиц — эти процессы отражают две характерные тенденции, свойственные номинации современного русского языка.

Закончить рассказ о составных наименованиях и их «взаимоотношениях» с однословными номинациями можно таким примером, который нам встретился в популярном журнале «За безопасность движения»: «Отделение ГАИ направило в таксомоторный парк несколько *открытых пиес* на водителей, нарушивших Правила дорожного движения. Работа с *открытками* на нарушителей была поручена инспектору, но *открытки* складывались под сукно». *Открытое письмо* или *открытка* — что они обозначают, одно и то же или нет? Всегда ли *открытое письмо* → *открытка* и *открытка* → *открытое письмо*?

Составное наименование *открытое письмо* первоначально имело только значение «незапечатываемая почтовая карточка, на одной стороне которой пишется адрес, а на другой — собственно письмо». Такая форма корреспонденции стала использоваться в России в XIX в. Так, например, А. П. Чехов писал брату в письме 1891 г.: «Вчера прислали мне из Рима *открытое письмо* от папаша». Но у этого наименования очень скоро появился однословный двойник — *открытка*, т. е. словосочетание «свернулось» в одно слово. Это, как мы уже видели на других примерах выше, вливает «в духе» нашей номинации и не противоречит ее природе.

Со временем *открытка* (впервые отмеченная в 3-м издании словаря В. И. Даля, т. е. в 1903—1909 гг.) в

значении «специальная почтовая карточка для открытого письма» значительно вытеснила составное наименование. Хотя изредка, как и в приведенном примере из современного журнала, они встречаются рядом, в одном значении.

Однако *открытое письмо* не было в обиде: у него появилось новое значение «письмо к кому-либо, публикуемое в газете или журнале». Но активна *открытка* и тут не осталась в долгу: она тоже приобрела новое значение (или «расширила» старое) и стала обозначать еще и «карточку такого формата с художественным изображением»: *комплект открыток с видами Петродворца*.

Любопытно, что Словарь Даля отмечает для слова *открытка*, кроме этих значений, еще одно: «Поедем в *открытке*, в открытом вагоне конножелезной дороги или в открытом экипаже вообще». Это новообразование того времени, стоявшее в ряду таких слов, как *конка* (экипаж, вагон с конной тягой), *многоместка* (многоместный экипаж), не закрепилось в языке и ушло, как и другие, вместе с обозначаемыми «вещами».

Слово *открытый*, давшее начало этим номинациям, многозначно. Современные словари, выделяя семь значений, отмечают, например, такие: «не имеющий крыши, не покрытый сверху или с боков» (*открытая терраса*); «ничем не огражденный, не защищенный, свободный для доступа» (*открытое место*); «доступный для посторонних, доступный для всех»; «обнаженный, не имеющий покрова»; «искренний, прямой, выражающий примоту и искренность» и др.

Смысловое богатство этого слова усиливается еще устойчивыми словосочетаниями и фразеологическими оборотами, в которые оно входит, например: *открытое море*, *открытый урок*, *день открытых дверей*, *с открытой душой*, *открытое голосование* и др.

К таким устойчивым сочетаниям относится и составное наименование *открытое письмо*, трансформировавшееся в *открытку*. Может возникнуть естественный вопрос: почему одни словосочетания «сжимаются» в однословные номинации, а с другими этого не происходит? Мы знаем, что в языке существуют свои внутренние закономерности, по которым создаются новые номинации, но не каждый языковой факт (или его отсутствие) поддается объяснению.

Так, в XIX в. известно было выражение *открытый лист* в значении «документ, дающий право беспрепят-

ственно пользоваться в дороге ямскими или этапными лошадьми, род подорожной». Например: «Я захватил... *открытый лист* на взимание волостных лошадей и *отправился в путь*» (Фет. *Ранние годы моей жизни*). Несмотря на широкую известность, это выражение не «сократилось» в однословное наименование. А вот словосочетание *путевой лист*, возникшее уже в XX в., когда появился городской транспорт и обозначающее «контрольный листок, выдаваемый водителям транспорта (с указанием задания)», дало такую краткую номинацию *путевка*. В современном языке используются оба наименования, например: «Инспектор ГАИ отобрал у водителя *путевой лист* и сообщил о нарушении на предприятие» (ж. «За безопасность движения»); «*Путевка* обрабатывалась тут же в присутствии сдавшего ее шофера. Это давало представление обо всем рабочем дне машины» (А. Рыбаков. *Водители*).

Слово *путевка* оказалось, как и *открытка*, достаточно жизнеспособным, у него закрепилось еще одно значение: «удостоверение, выдаваемое лицу, командируемому или направляемому куда-либо» (*комсомольская путевка на стройку, путевка в санаторий*). Впервые это слово было зафиксировано в Словаре Ушакова (1939) с пометой *нов*. В те же годы появилось и выражение *путевка в жизнь*: «В последние годы он работал в качестве испытателя, дав *путевку в жизнь* десяткам новых конструкций наших самолетов» (Водопьянов. *Путь летчика*).

Интересно, что в XIX в. в близком значении использовалось выражение *подорожная в жизнь*. Например, у Герцена в романе «Кто виноват?» читаем: «Кончился, наконец, и курс; раздали на акте юношам *подорожные в жизнь*». Вышедшее сейчас из употребления слово *подорожная* обозначало «документ на право пользования почтовыми лошадьми, проездное свидетельство» (одним из видов подорожной был уже упоминавшийся *открытый лист*). Тогда же оно стало употребляться и в переносном смысле, например так, как у Белинского: «Я смело давал рецепты от всех душевных болезней и *подорожные* на все пути жизни».

Все эти примеры наглядно показывают взаимосвязи, *постоянное движение и взаимодействие разнообразных наименований, жизнь слов в языке.*

надо ли
останавливаться
ПЕРЕД
"ЗЕБРОЙ"?

0
СМЫСЛОВЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ СЛОВ
И СЛОВОСОЧЕТАНИЙ
КАК АКТИВНОГО
СПОСОБЕ
МОБИЛИЗАЦИИ

Когда "сухарины" нельзя
пополнить на "тарелку"
Останавливайтесь
перед "зеброй"
Путешествие
по "зеленой волне".

Хорошо известен русскому языку и такой способ номинации, как использование для обозначения какого-либо предмета или явления уже имеющегося слова: *нос корабля, крылья самолета, ножка стула, ручка портфеля*. Происходит перенос наименования с одного предмета на другой, если, конечно, у них есть какой-то общий признак. Образование нового слова в результате переосмысления, изменения значения уже существующего слова языковеды называют семантическим словообразованием. Наиболее распространенными видами такого способа наименования являются метафорические, метонимические и функциональные переносы.

Метафорическая номинация (от греч. *metaphora* — «перенесение») возникает при перенесении названия на основе какого-либо сходства в двух предметах (по форме, величине, внешнему подобию). В основе языковой метафоры лежит образность, особо очевидная черта сходства, например: *журавль колодца, спинка кресла, шляпка гриба, козырек светофора, баранка* (руль автомашины), транспортная *пробка, островок безопасности* (на проезжей части улицы).

В метафорической номинации используются разные группы общелитературной лексики. Так, одним из традиционных источников пополнения специальных (технических) сфер языка являются названия частей тела человека и животных, разновидностей одежды, предметов домашнего обихода, украшений: *крыло, плечо, колено, шея, щеки, заусенцы, пальцы, ушко, кулачок, подошва, рубашка, коляка, башмак, каблук, маятник, стакан, вилка, тарелка, серьга* и т. п. Вот несколько характерных примеров: «На конце стержня клапана имеется выточка для крепления опорной *тарелки* со втулкой, закрепляемая разрезными коническими *сухариками*... Водяная *рубашка* цилиндров является составной частью блока цилиндров и *головки*... При уходе *кулачка* из-под толкателя

пружина прижимает клапан к *седлу*... Механизм состоит из рычага с *крышкой, червяка*, сидящего в рычажке-крышке, и червячной шестерни... Правильно подобранная по тепловой характеристике *свеча* должна иметь чистую *юбку* коричневого цвета» (Н. Яковлев. Автомобили (устройство)).

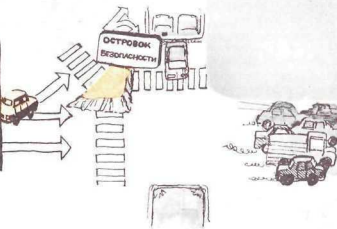
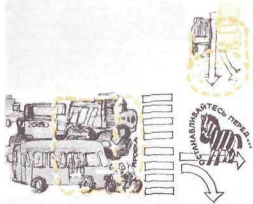
Некоторые из таких наименований (например, *крыло, серьга, башмак, муфта, манжета, шпилька, юбка* и др.) являются общими для разных технических сфер и, что особенно интересно, известны разным современным языкам. Это можно объяснить и взаимозаимствованием, и совпадением наименований, так как развитие науки, техники, производства происходит сейчас во многих странах параллельно.

Образные, метафорические наименования постоянно возникают в живой разговорной стихии современного языка, однако закрепляются в языке «счастливые» единицы, например: «*кирпич*» — запретительный дорожный знак, «*зебра*» — вид разметки перехода (и сам переход), «*елочка*» — тип стоянки автотранспорта, «*козлик*» — легковая машина повышенной проходимости. «Я недаром транспортную схему назвал лабиринтом: есть улицы с движением односторонним, есть проезды, над которыми висят «*кирпичи*», есть многоуровневые дороги, двух- и трехэтажные...» (Ю. Крутогорон. Рассказы о нашей Москве); «Ликвидация транспортных «*пробок*» — одно из главных направлений ведущихся в районе работ по организации движения» (ж. «За безопасность движения»); «На регулируемых перекрестках и переходах в глубине квартала дорожка размечена по типу «*зебра*»... Единственное, на что хочу обратить внимание водителей и Госавтоинспекции, — это проблема «*зебр*». Очевидно, надо останавливаться перед «*зеброй*» (ж. «За безопасность движения»); «Садясь за руль машины и проверив показания приборов, мы мало обращаем внимания на привычный и неотъемлемый атрибут любого автомобиля — рулевое колесо, а попросту *баранку*» (ж. «Техника — молодежи»).

Примером метафорических переосмыслений, возникших на основе нескольких признаков, дополняющих друг друга и создающих единый «образ», могут служить и такие номинации: «Мы возвращались в тесном вертком газике, который на сельских дорогах с ироническим почтением именуется «*козлом*» за упрямство, с каким он пробивается через колдобины. Речь идет об автомобилях

«ГАЗ-69», которых в нашем народе любовно прозвали «козликами» за их удивительную неприхотливость и проходимость» (из газет).

Такие названия, возникая в профессиональной сфере, очень быстро становятся общеизвестными. Вольно или невольно, но их распространению в общелитературном языке способствуют и художественная литература, и средства массовой информации (очерки в газетах, радио- и телерепортажи, кинофильмы).

Но чтобы название-метафора закрепилось в языке и стало самостоятельной номинативной единицей, необходимо сочетание ряда «счастливых обстоятельств»: удачно выбранный «признак сходства», его яркость, образность. Немаловажную роль играет и то, как часто встречается называемый предмет (или явление).

Частотность и устойчивость употребления некоторых переносных наименований подтверждаются и собственно языковыми связями слов. Так, появление удачного метафорического обозначения может повлечь за собой поликлонование на основе близких ассоциаций целой цепочки «образов»: *семья — семейство — собратья; полоса — ряд — нить — канал; течение — поток — река — волна (зеленая волна) — островок* и др., например: «Прошли испытания образцы, составившие семью камских автомобилей» (из газет); «Выгодно отличается от своих собратьев МАЗ, а также модернизирован-

ные автомобили семейства МАЗа» (из газет); «Чем больше автомобилей вливается в транспортный поток, тем запутаннее становится дорожная обстановка... Сегодня повсюду мы видим автоматические светофоры, и только в немногих местах человек «вручную» властвует над автомобильными реками» (В. Демидов. Электроника четырех колес); «Программисты задают правила, по которым ЭВМ придется регулировать автомобильные реки».

Вариантов может быть множество. Главное, что все

они не нарушают плавности движения основной *авторемки* (там же); «Наибольшее распространение в городах получили различные варианты крестообразного пересечения в двух уровнях без съездов... Существуют следующие варианты таких пересечений: с площадкой для левых поворотов; с островками; с объездом вокруг кварталов» (Сб. «Пересечение в разных уровнях на городских магистралях»); «Непрерывность движения транспорта может быть достигнута путем создания на перекрестках саморегулируемого движения с односторонним проездом вокруг кольцевых островков различного очертания... Самыми распространенными и доступными мероприятиями являются регулирование движения и контроль за ним при помощи светофоров, дорожных знаков, маркировки проезжей части улицы и устройства *островков безопасности*» (там же); «Будет ли «зеленая волна» столь же гостеприимна для потока, как и для единственной маши-

ны?.. Следующим шагом в организации городского движения становится требование придать оперативность неплохой в общем «волне» (В. Демидов. Электроника четырех колес); «Мы ехали по «зеленой волне». Поток автомобилей включился в нее еще в начале проспекта» (Ю. Крутогуров. Рассказы о нашей Москве).

Метафорическая номинация широко используется в современном языке и дает как примеры уже закрепленных языковой системой номинативных единиц (возникших на основе переносных значений, см. выше), так и различные переносные употребления (от индивидуальных, окказиональных до «типовых», устойчивых). Очень часто это «индивидуальное» и «типовое» переплетается, создавая образную многоплановость текста, например: «Нахлынул

поток автомобилей... Светофор мигнул красным зрачком... он безучастен к тому, что творится вокруг него... Устарел такой *регуляторщик*. На смену ему *приходит светофор*, который... *прошел обучение* по нескольким программам. Одна такая программа требует от водителей, чтобы они отдали бег своих машин «на волю волн». В милической «Волге» с красным пояском я поехал по многокилометровой проспекту Мира. Мы ни разу не остановились. Мы ехали по «зеленой волне»... Серпуховская застава. В площадь «впадает» семь улиц. Больше всех «волновалась» Большая Тульская — к ее *устью* подкатила целая колонна автомобилей» (Ю. Крутогуров. Рассказы о нашей Москве).

Приведенный отрывок насыщен переносами. Подобное употребление лексических единиц не только обуслов-

лено контекстом, но и в значительной мере основано на известных общелитературному языку связях и ассоциациях и может использоваться для создания образности, экспрессии многократно.

Таким «типовым» метафорам противопоставлены «индивидуальные», «разовые» новообразования, тесно связанные с контекстом, речью и проявляющие свою образность, как правило, только в ней. Например: «Шофер «МАЗа» выбежал на дорогу. — Трогай быстрее своего «зубра», — прикрикнули на него» (из газет). Характерный признак — мощност машины — передается через образ сильного животного. Связь эта поддерживается и символически: в виде эмблемы — фигуры зубра.

Другой вид смысловых преобразований представля-

ют метонимические переносы. Метонимическая номинация (от греч. *metonymia* — «переименование») заключается в переносе имени с одного предмета (явления) на другой на основе их смежности.

В отличие от метафорических номинаций такие наименования выстраиваются в определенные ряды. Можно выделять типы метонимических переносов. Приведем некоторые из них: 1. Помещение, вместилище, сосуд → содержимое: *блюдо* — «большая тарелка» и «еда» (*обед состоял из трех блюд*); *кухня* — «помещение для приготовления пищи» и «набор мебели для этого помещения»; 2. Материал → изделие из этого материала: *шерсть* собаки и *шерсть* — «пряжа», *асфальт* — «особый состав для покрытия улиц, дорог» и «дорога, покрытая этим составом»; 3. Населенный пункт → его жители: большой *город*

и весь город поднялся на защиту; 4. Действие→результат действия: *сочинение* басен и школьное *сочинение*; *разметка* шоссе и виды дорожной *разметки*; 5. Действие→место действия: *мойка* машин и эмалированная *мойка* в кухне; *остановка* поезда и троллейбусная *остановка*.

Следует различать метонимию как способ номинации, создающий определенный тип наименований, и метонимию (это относится и к метафоре) как особый стилистический прием (в литературных произведениях), при котором слово или словосочетание употребляется в переносном, образном смысле для создания специального стилистического эффекта. Например, у Пушкина в «Медном всаднике» читаем: «Все флаги в гости будут к нам» (вместо *корабли под флагами разных стран*). Еще яркий пример из чеховского рассказа «Контрабас и флейта»): «Приятели сильно расходятся и в своих привычках. Так, *контрабас* пил чай вприкуску, а *флейта* внакладку... Флейта спала с огнем, контрабас без огня. Первая каждое утро чистила себе зубы и мылась душистым глицериновым мылом, второй же не только отрицал то и другое, но даже морщился, когда слышал шуршанье зубной щетки или видел намалеванную физиономию».

Слова-наименования, возникшие в результате метонимического переноса и закрепившиеся в языке как самостоятельные номинативные единицы, обычно не имеют, как мы уже видели выше, такого второго, образного смысла.

Вот несколько примеров: «Протяженность улиц и переулков превышает 4400 километров и требует нанесения четкой дорожной *разметки*, установки современных светофоров и дорожных знаков. Перед вами на снимке — разные виды дорожной *разметки*» (ж. «За безопасность движения»); «*Грейдер* покрывается щебнем, щебель прикрывается и утрамбовывается, а потом дважды в год производится нефтеевание . . . Мы убедились, что обработанная таким способом дорога позволяет уверенно держать скорость около 80 км в час... За всю дорогу до Аральска *грейдер* прерывался только дважды... Мы едем по очень приличному *грейдеру* . . . Ближе к Аральску дорога становится все лучше. И вскоре переходит в настоящей *асфальт*» (ж. «Юность»); «*Пересечения* в разных уровнях в дорожном строительстве применяются давно. До 1928 г. они сооружались в основном при *пересечении*

автомобильных дорог с ж/д путями . . . *Пересечения* по типу «труба», «двойная петля», «клеверный лист», «сплюснутый клеверный лист», «полуклеверный тип» (Е. М. Лобанов и др. Проектирование и изыскания пересечений автомобильных дорог); «*Пересечения* в разных уровнях в соответствии с принятой в технической литературе терминологией названы транспортными *развязками*». Эти номинации появились сравнительно недавно. Так, в Словаре новых слов и значений (М., 1971) отмечается: «РАЗВЯЗКА... Сооружение на автомобильных дорогах, позволяющее потокам транспорта безостановочно двигаться в различных направлениях. РАЗВЯЗЫВАТЬ... Разгружать от скопления транспорта путем сооружения развязки»: «Градостроителям приходилось в первую очередь «развязывать» наиболее перегруженные *узлы*, расположенные в центральной части крупнейших городов» (из газет), «Люди могут поставить перед электроникой разные задачи: скажем, обеспечить максимально возможную среднюю скорость движения или добиться наибольшей пропускной способности транспортного *узла* (В. Демидов. Электроника четырех колес).

Третий распространенный вид номинаций путем переноса — *функциональные переносы*, при которых наименование переносится на другой предмет (явление) на основе какой-либо общей функции. В тексте последнего из приведенных примеров есть слово *узел*, которое обозначает «место скращения, пересечения улиц, автомобильных дорог и т. п.». Однако слово это «не простое, а золотое» — многозначное, современные толковые словари отмечают у него 7 значений! В глубокой древности, как предполагают языковеды, еще в общеславянском языке оно обозначало «затянутую, занязанную петлю на веревке» и происходило от глагола *вязать*. Позже, уже в древнерусскую эпоху, слово стало обозначать и «вещи, положенные в связанный концами платок или кусок ткани». Это наименование появилось путем того самого метонимического переноса, о котором мы только что рассказывали. Но история развития значения слова *узел* на этом не кончилась. Данное наименование стало использоваться вообще для вещей, помещенных, завернутых, зашитых и т. п. (*пассажир с узлами*: «У нас не было денег на извозчика, и мы шли пешком, я нес на спине *узел* с нашими вещами» (А. Чехов. Моя жизнь), т. е. произошел перенос наименования по функции. В современном языке слово *узел* используя-

ется в значении «часть механизма, технического устройства, представляющая соединение тесно взаимодействующих деталей», например в автомобилях: «Автоконструкторы стремятся создавать автомашины, узлы которых специально приспособлены для проверки с помощью электронной автоматики» (В. Демидов. Электроника четырех колес). «Переосмысление» слова *узел* продолжалось и дальше. Это наименование употребляется и для обозначения места соединения нескольких железнодорожных линий, а также пункта, регулирующего работу нескольких железнодорожных станций: «Железнодорожный *узел* соединял шесть линий. Вокзал плотно был набит людьми» (Н. Островский. Как закалялась сталь). Когда появилась необходимость назвать место пересечения, например, дорог, снова вспомнили об узле. Слово это может использоваться и в таком переносном значении: «главная, существенная часть чего-либо, подчиняющая и обуславливающая все другие», например: «Теперь я дошел до поворотного пункта в романе. Главное дело, составляющее центр и *узел* этого романа, уже сделано» (Писарев. Борьба за жизнь).

Этот пример очень показателен. Он свидетельствует о сложности смысловых преобразований и переосмыслений, о непростой истории развития лексической системы нашего языка, о разнообразных путях пополнения номинативных запасов.

Уже в первых главах «Евгения Онегина» Пушкин пишет: «Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет»; «А вижу я, выношу пред вами, что уж и так мой бедный слог Пестреть гораздо меньше б мог Иноплеменными словами...»

Какие же слова «свои» и какие «чужие», «иноплеменные»? Нужны ли они? Как, какими путями приходят в язык «чужие» слова? Почему одни становятся всем известны и необходимы, а другие исчезают, не успев закрепиться?

Язык каждого народа тесно связан с жизнью этого народа, с жизнью и развитием общества. Язык создается народом на протяжении многих столетий. Развитие и обогащение русского языка происходило не только на основе собственного словообразования или создания составных наименований, но и путем заимствования новых слов из других языков, что было естественным результатом взаимодействия русского народа с другими народами. «В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей. Изобретать свои термины для выражения чужих понятий очень трудно, и вообще этот труд редко удается, — писал В. Г. Белинский. — Поэтому, с новым понятием, которое один [народ. — Е. Г.] берет у другого, он берет и само слово, выражающее это понятие. Из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшесть то, которое вернее выражает понятие. . . Все народы меняются словами и занимают их друг у друга».

Великий критик очень верно объяснил причины заимствования языками иностранных слов. Действительно, все народы меняются словами. В наши дни растущие международные контакты, без которых в XX в. невозможно нестороннее развитие науки, техники, культуры, способствуют тому, что многие слова, обозначающие новые

научные открытия, названия новых машин, механизмов, приборов, препаратов, материалов и т. п., возникая в одном каком-либо языке, становятся достоянием разных языков. Так, например, в последние десятилетия во многие современные языки вошло русское слово *спутник* (после запуска Советским Союзом в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли).

Международный языковой фонд пополнился такими словами русского языка, как *ленинизм*, *большевизм*, *гласность*, *субботник*, *пятилетка*, *коллаж*, *ударник*, *спутник*, *лунник* и др. Во те же время трудно сейчас представить наш язык без таких «иноязычных» слов, как *коллектив*, *культура*, *библиотека*, *лекция*, *радио*, *телеграф*, *телефон*, *телевизор*. Эти и многие другие слова прочно вошли в русский язык, стали неотъемлемой частью нашего словаря.

Иноязычные слова имеют разное происхождение, т. е. пришли из разных языков, в разные эпохи, в разные периоды нашей истории.

Много слов дал нашему языку общеславянский фонд. Издавна в русском языке существовали слова из скандинавских и тюркских языков (например, *ларь*, *кряк*, *якорь*, *очаг*, *башмак*, *тулуп* и др.). Подобные слова заимствовались, как считают ученые, «устным путем», чему способствовала, например, торговля.

«В русском языке издавна много греческих слов. Различают два периода в усвоении русским народом греческих слов: византийский и более поздний. Еще до принятия христианства Русь имела оживленные торговые сношения с Грецией. На северном берегу Черного моря был ряд греческих колоний, например Корсунь, Судак и др. Но особенно усилилось влияние греческого языка в XVI в., когда в школах южной Руси и в Москве усиленно изучался греческий язык. . . Очень много греческих слов перешло к нам книжным путем непосредственно или через другие языки: *алфавит*, *лексикон*, *металл*, *обелиск*, *техника*, *театр*» (Е. М. Галкина-Федорук).

Русский язык в области лексики испытал большое влияние и второго древнего языка — латинского. Латинские слова большей частью относятся к сферам понятий искусства, науки и техники, политических и общественных отношений. Вот несколько примеров: *автор*, *экзамен*, *структура*, *экскурсия*, *лаборатория* и др.

Очень интенсивным было заимствование иностранных слов в Петровскую эпоху (конец XVII — начало XVIII в.),

что объяснялось особым историческим моментом развития Русского государства: все мы помним, какие серьезные реформы осуществил Петр I, какие радикальные перемены происходили в России. Это не могло, конечно, не отразиться на развитии языка, на его лексиконе. Именно в Петровскую эпоху русский язык начал пополняться словами из голландского, немецкого, французского языков.

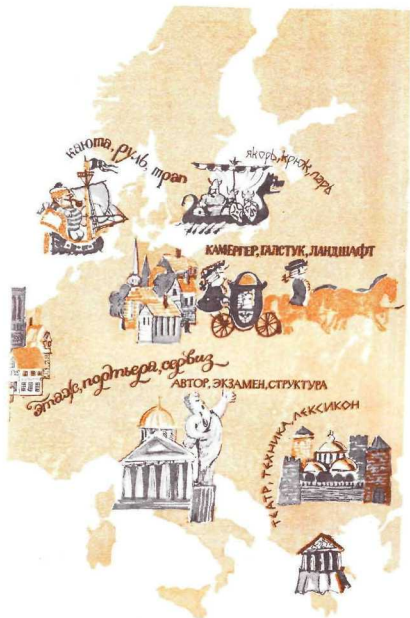
Из немецкого к нам пришли военные, технические, торговые и другие термины (*верстак, слесарь, галстук, фартук, ландшафт, мольберт* и др.); из голландского языка — термины, связанные с «морским делом» (*савань, верфь, руль, карта, трап*). Французские слова начали появляться в русском языке также при Петре I и позже, в конце XVIII — начале XIX в. Особенно много усваивалось французских обиходных слов: *жилет, пальто, этаж, кабинет, портьера, сервис*. Прочно вошли в нашу жизнь и слова французского происхождения, являющиеся терминами искусства.

Расскажем об одном из французских заимствований той эпохи, — слове *мансарда*.

Разным языкам известны слова, ведущие свое происхождение от собственных имен (имен древних богов и легендарных героев, фамилий изобретателей и ученых, названий городов). Вспомним такие слова, как *вулкан, титан, наган, дизель, рентген, макинтош, бодоноья, брюки, силуэт, сэндвич* и др. К таким именам принадлежит и *мансарда*.

Слово *мансарда* (*mansarde*) обозначает жилое помещение под

*спорт
банк
дзентильмен*

самой крышей, точнее — чердак с высоким косым потолком или косой стеной и слуховыми окнами, предназначенный для жилья. Дома такого стиля получили распространение во Франции в XVII в. Само название *мансарда* связано с именем известного французского архитектора Франсуа Мансара (Mansart, 1598—1666), достойно развивавшего национальные традиции французской архитектурной школы. К лучшим его произведениям относится замок Мезон на Сене, где проявились наиболее характерные черты этого мастера: стремление к гармонии изящества и рациональности. Отражая национальную готическую традицию, французские архитекторы и до Мансара использовали высокие крыши не только в декоративно-художественных целях, но и для пользы дела, устраивая на чердаках под крышей жилые комнаты. Франсуа Мансару и его ученику, вичучатому племяннику Ж. Ардуэн-Мансару (1646—1708), ставшему крупнейшим архитектором Франции второй половины XVII в., выпало счастье увековечить такими постройками свое имя.

Здания с мансардами стали строить в разных европейских странах. В XVIII в. появились они и в России. Интересно, что одним из первых зафиксировал это название в своем словаре В. И. Даль, так объясняя его значение: «горенка, теремок, вышка». Вот как вы-

глядели такие постройки: «Сейчас завершено восстановление этого памятника... Первый этаж хозяйственный, второй, деревянный, — парадный. Такой же и верхний, занимаемый жилыми комнатами. В сущности это не этаж, а крестовидная *мансарда*, типичная для XVIII века» (из газет).

В маленьких комнатках мансард жили начинающие художники, музыканты, бедные студенты. В. Г. Короленко, описывая в «Истории моего современника» первые годы жизни своего героя в Петербурге, упоминает о мансардах: «В том же доме освободилось помещение под самой крышей как раз на четверых, и оно может быть названо великолепным литературным словом «мансарда».

Дома с высокими крышами, под которыми находятся жилые комнаты, до сих пор являются характерной особенностью городского пейзажа некоторых северных стран. Любимым всеми ребятами героям известной шведской писательницы Астрид Линдгрен не составит труда перебраться с крыши в мансарду: «Они поползли вдоль карниза, пока не добрались до окна *мансарды*. Карлсон поднял голову и осторожно заглянул в комнату... Малышу не захотелось оставаться одному на крыше и он тоже перелез через окно вслед за Карлсоном» («Две повести о Малыше и Карлсоне, который живет на крыше»).

В современном русском языке это слово используется, как и раньше, для обозначения помещений такого типа, которые встречаются преимущественно в загородных домах и постройках. «Из тех же самых щитов, оказывается, можно собрать очень уютное общежитие с *мансардой*... Я переходил из комнаты в комнату, останавливаясь у не промытых еще окон, поднимался по витой, незатоптанной белой лестнице на *мансарду*. На крутые стропила плотники укладывали разноцветные листы кровли» («Комис. правда»).

* * *

Наименование новых предметов, явлений, понятий посредством иноязычных, заимствованных слов продолжает в наши дни оставаться действующим, активным способом номинации. Это хорошо видно на примере такой живой и непрестанно пополняющейся сферы, как автолексика.

Среди заимствованных слов, использующихся в этой сфере (см. с. 66), можно выделить (условно) три

группы: 1) «старые» заимствования (с начала века до конца 30-х гг., «довоезные»: *шоссе, шофер, такси, таксомотор, трасса, автострада* и др.); 2) «новые» заимствования (50—80-е гг.): *кемпинг, мотель, картинг, ралли, паркинг* и др.; 3) заимствованные слова, характеризующиеся широкой семантикой и употребляющиеся в разных сферах языка: *салон, секция, манекен* и др.

Многие слова, заимствованные еще на заре развития этой лексической сферы, активно используются и в современном языке (*шоссе, шофер, такси, таксомотор, парк, мотоцикл*); другие оказались архаизмами, остались лишь как знаки ушедших реалий (*омнибус, локомотив*), ср.: «Locomobile — двухместная паровая коляска... Очень изящна и на ходу совершенно не шумит» (ж. «Автомобиль», 1903).

Уже в первые годы издания в журнале «Автомобиль» (1902—1903 гг.) встречаются такие, например, заимствования: «Наш журнал может быть полезен и интересен как для опытных шоферов, так и для новичков»; «Продается автомобиль. Коляска с мотором».

Слово *мотор*, наряду со значением «двигатель», в те годы активно проявляет и значение «весь самодвижущийся экипаж», ср.: «На прокат желаю взять двухместный четырехколесный мотор», «Одной из наиболее крупных новинок предстоящего сезона будет, несомненно, появление четырехколесных моторов». Ср. характерный комментарий в самом журнале «Автомобиль»: «Под словом «мотор» мы подразумеваем, конечно, не двигатель, а весь самодвижущийся экипаж...» В этом значении слово *мотор* используется и теперь как «сниженный», разговорный вариант наименования автомобиля: «Разе. Средство передвижения, вид транспорта, снабженный таким двигателем» («Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти т.).

В период 30-х гг. наш язык пополняется такими заимствованиями, связанными с развитием автомобильного движения и строительством дорог, как *автострада* (итал.), *трасса* (нем.), *магистраль* (фр.), *эстакада* (фр.) и др. Интересно отметить, что слово *эстакада* появилось в русском языке еще в начале XIX в. (первая словарная фиксация относится к 1806 г.), общее значение его: «строительное сооружение в виде моста или свайного помоста, служащее для перевозки грузов, причала судов и т. п.». Сейчас оно широко используется в разных языковых сферах. *Трасса* — «большая проезжая дорога, соединяющая

важные объекты, пункты и т. п.»: «Инспектор ГАИ. Он не только «дрижер», блюститель порядка на *трассах* и площадях городов, это еще и технически грамотный специалист». Слово *трасса* имеет большое распространение в современной лексике в связи с тем, что у него развивается и более общее значение — «путь», ср.: «По Минскому шоссе идет милейший мотоцикл. Инспектор ГАИ патрулирует *трассу*» (из газет).

К группе «старых» заимствований относятся и такие, как *лимужин, студебеккер, паккард, форд* и под.: «Вот стало слышно урчание моторов. Первыми шли два «*студебеккера*», за ними «*паккард*» с солдатами» (ж. «Вокруг света»).

Подобные наименования марок машин зарубежных фирм составляют довольно устойчивую группу, хотя состав ее меняется. Так, в наши дни вышли из употребления «студебеккеры» и «форды», но появились, например, «фиаты», «икарусы» и др.

Среди заимствований последних десятилетий (50—80-е гг.) выделяются названия новых видов (разновидностей) автомобилей (*рефрижератор, контрейлер, кар*), в том числе — спортивных (*карт, багги*); названия связанных с ними новых видов автоспорта (*картинг, багги, ралли*), а также названия реалий, относящихся к сфере автообслуживания, автосервиса (*мотель, кемпинг, паркинг* и др.): «Универсам обслуживают серебристые *рефрижераторы*» («Комс. правда»); «*Контрейлеры*, конечно, изобретение отличное... Родился гибрид контейнера и автомобильного прицепа — вполне автономная тара». Когда автомобиль с таким прицепом (он называется *контрейлер*) едет, подумаешь, фургон и фургон. Но вот он прибыл на железнодорожную станцию. Крытый кузов отцепляется, заводится, оставаясь на колесах, на железнодорожную платформу и путешествует на ней» (ж. «Техника — молодежи»); «Туристский автоприцеп? Что это такое и для чего он нужен?.. Существует множество типов «*трейлеров*» — домов на колесах, от маленьких, относительно легких, до громадных комфортабельных фургонов с несколькими комнатами...» («Неделя»).
Еще несколько примеров названий новых спортивных машин: «Отдельно следует сказать о *картах*. Замена про-

³ Наименование *рефрижератор* может обозначать, кроме того, «вагон, судно, автомобиль и т. п., оборудованные холодильными машинами, для перевозки скоропортящихся грузов». Известно русскому языку с середины XIX в.

хочущих двигателей внутреннего сгорания на электропривод значила бы второе рождение для сегодняшнего шумного *карта*» (ж. «За безопасность движения»); «Както зимой мы наблюдали за тренировками картингистов, и у нас родилась идея поставить *карт* на лыжи» (ж. «Моделист-конструктор»); «Надо было дать ребятам дело, в котором были бы и дух спортивного состязания, и чувство новизны. Например, кружок, где они своими руками монтируют *карты* и маленькие машины «*багги*» (ж. «Техника — молодежи»); «Духовный автомобиль типа «*багги*» предназначен для молодежи, увлекающейся автомобильным спортом или туризмом» («Техническая эстетика», 1978); «Завершен смотр-конкурс спортивных автомобилей марки «*багги*», получающих все большую популярность» (из газет); «Темпы автомобилизации в нашей стране стимулируют развитие «*багги*» и не только в чисто спортивном направлении, не надо забывать и о туристских «*багги*», и об учебных...» (ж. «Техника — молодежи»).

Этим же словом называются и спортивные соревнования, проводимые на таких машинах: «Ни один другой вид автомобильного спорта (даже очень полюбившийся молодежи *картинг*) не имеет таких обнадёживающих перспектив развития, как «*багги*»... Всесоюзные соревнования «Багги-ТМ-76» способствовали дальнейшему развитию нового вида автотранспорта, популярного среди молодежи» (ж. «Техника — молодежи»); «Если вспомнить для аналогии историю становления ответственного *картинга*, то надо отметить, что с момента его зарождения до появления серийных машин прошло более десяти лет. История *багги* у нас в стране пока коротка...» (ж. «За рулем»).

Широко известен и такой вид спорта, как ралли: «Еще свежи в памяти события знаменитого *ралли* Лондон — Мехико. В этом автомарафоне принимали участие и «Москвичи». Что же представляют собой соревнования по автомобильному *ралли*? Это иностранное слово обозначает «регулярность», «равномерность». Любопытно, что слово *ралли* стало базой для оригинального названия «перевертыша» другого вида спортивных состязаний — ИЛЛАР: «Третий год подряд по инициативе газеты «За доблестный труд», органа московских автомобилистов и Мосавтотранса, лучшие водители состязаются в *ралли* наоборот — идут гонки задним ходом, ИЛЛАР, собравший... лучших водителей таксопарков

Москвы, состоял из восьми этапов» («Комс. правда»).

Широко используются в современном языке такие заимствования, как *мотель* — «гостиница для автомобилистов», *кемпинг* — «специально оборудованный лагерь для автотуристов», *паркинг* — «стоянка автомашин»: «На границе Москвы с зеленой зоной, у пересечения Минского и Варшавского шоссе с кольцевой дорогой вокруг столицы выросли *мотели* — гостиницы для автотуристов» (из газет).

Сравнительно недавно появилось слово *паркинг* и сразу же дало цепь производных, ср.: «*Припаркованные* у тротуаров машины сильно затрудняют, а подчас и вовсе лишают уборочную технику возможности выполнять свои функции»; «Для каждого шофера важно не только хорошо водить автомобиль, но и правильно осуществлять его *паркование*. С увеличением числа автомашин в городах последнее становится довольно сложной задачей, требующей значительного опыта. *Парковать* автомобиль приходится в самых различных условиях и поэтому дать однозначные советы трудно. Рассмотрим наиболее характерные ошибки, допускаемые водителями при *парковании*» (ж. «За безопасность движения»).

Активно используются некоторые многозначные заимствованные слова типа *салон*, *секция*, *манекен*, *панель*, *дублер*, *тренаж* и др. Например: «Плакаты-обращения вывешены в диспетчерских депо и парков, на конечных станциях маршрутов и в *салонах* общественного транспорта»; «Светофор будет оборудован дополнительной *секцией*, что повысит безопасность при движении транспорта и пешеходов»; «Наиболее нужные и самые сложные изделия — это различные *тренажеры*, на которых можно имитировать езду по городу, запуск и остановку двигателя, его регулировку»; «Оказывается, учиться на своих ошибках можно. Для этого нужны *кинотренажеры*. Вы садитесь в кабину *автомобиля-тренажера*, в которой все настоящее — рулевое колесо, педали, индикаторы. Поворачиваете ключ зажигания и трогаетесь в путь. Перед глазами побежала отснятая на киноплёнку дорога» (ж. «За безопасность движения»).

Заимствования представляют наименее мотивированные номинативные единицы. Закрепляются в языке, как правило, те иноязычные слова, которые обозначают широко известные понятия. Конкретная мотивировка для нашего современника не важна, если он знает, что именно, какой «предмет действительности» обозначает данное

слово. За «доказательствами» далеко ходить не надо. Вот только один характерный пример: слово *багги*, обозначающее особый тип спортивных машин (а также соревнования с участием этих машин). Это название широко известно сейчас среди спортсменов и молодежи, хотя, наверное, мало кто знает, что именно оно обозначает в английском языке и как появилось. А история его такова: в 60-е гг. на пляжах Калифорнии появились первые небольшие машины, их прозвали *бич-багги* (дословно «песчаная блоха») и использовали для развлечения. И тогда, по-видимому, никто на предполагал, что эти «машинки» привлекут внимание спортсменов во многих странах, а их название приживется в разных языках.

В наш современный язык заимствуются слова разных тематических областей, используемые в разных сферах лексики. Культурные и научные связи, обмен опытом и специалистами, деловые и дружеские контакты между учеными, производственниками, спортсменами, представителями искусства разных стран — все это естественно влияет на современные языки, отражается в их лексиконе, увеличивая фонд международной, интернациональной лексики.

Примеров этому масса, и мы выше это уже отчасти показали. Можно рассказать здесь еще о некоторых очень распространенных наименованиях, активно используемых в современных языках, в том числе и в русском. Вот, например, *дизайн*.

Еще несколько лет назад в словарях современного

русского языка не было слов *дизайн*, *дизайнер*. Если они использовались в литературе, то заключались обычно в кавычки: «Итальянские мастера и художники (*«дизайнеры»*), как их называют американцы) доводят автомобиль до современных эстетических требований...» (Н. Смеляков. Деловая Америка). Однако в последнее время эти названия стали все чаще встречаться в периодической печати, используются не только специалистами, но активно входят и в нашу повседневную речь.

Что же такое *дизайн*, но такие *дизайнеры*? *Дизайн* — это название нового специфического вида деятельности, направленного на улучшение, совершенствование окружающего нас предметного мира, на создание более гармоничного соответствия предметной среды и духовного мира человека. «Способствуя гармоничному развитию предметной среды, *дизайн* не только помогает созданию оптимальных условий для труда и отдыха людей, но и формирует новые культурные ценности и эстетические идеалы, новые взаимоотношения духовной и практической, материальной деятельности человека» («Сов. культура»).

В эту сложную и интересную деятельность вовлечены сейчас художники, архитекторы, инженеры, ученые. Специалисты, занимающиеся художественным конструированием, художественной разработкой, проектированием разнообразных предметов, улучшающих наш быт и производство (от детской игрушки и школьной парты до салона космического корабля), называются художниками-конструкторами, мастерами художественного проектирования. Однако все чаще параллельно используется и слово *дизайнер*: «Сейчас художников-конструкторов, или, как их еще называют, *«дизайнеров»*, готовят однанадцать вузов страны» («Правда»).

Слова *дизайн*, *дизайнер* известны сейчас многим языкам. В английском языке-источнике они многозначны: *design* — «замысел, проект, рисунок, композиция, конструкция», *designer* — «проектировщик, конструктор, модельер». Распространению этих слов в разных языках для обозначения нового вида деятельности человека по усовершенствованию окружающей предметной среды способствовало создание Международного совета организаций по художественному конструированию (ИКСИД).

Зародившись как деятельность по художественному оформлению предметов широкого употребления, *дизайн* в последнее время проникает в различные сферы науки, производства, общественной жизни. В октябре 1975 г.

в Москве проходил IX конгресс ИКСИД. На нем обсуждались темы: «Дизайн и наука», «Дизайн и труд», «Дизайн и отдых», «Дизайн для детей».

Дизайн, дизайнер вошли в современный русский язык, зафиксированы в некоторых словарях. Закреплению их в языке способствовало и создание уже на русской почве однокоренных образований: «Для любой страны мира подготовка *дизайнерских* кадров во многом решает создание условий для развития и распространения дизайна... Любая наша разработка ведется... с учетом всех новейших достижений *дизайнерского искусства*» («Сов. культура»).

Не менее распространены и необходимы в наше время и такие, например, слова, как *кибернетика* или *компьютер*.

Термин *кибернетика* (от англ. cybernetics — «искусство управления») стал известен в разных странах после выхода в свет книги американского математика Норберта Винера «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» (1948 г.), название которой и было по существу первым определением новой науки.

Слово *кибернетика*, как писал об этом Н. Винер, было «найдено» после долгих поисков подходящего наименования нового направления в науке. Его выбор остановился на греческом слове *kybernetes* — «рулевой» (*kybernetiké* — «искусство управлять кораблем»). «В слове *кибернетика* меня привлекло то, что оно больше других известных мне слов подходило для выражения идеи всеобъемлющего искусства регулирования и управления, применяемого в самых разнообразных областях».

В нашем языке этот термин обозначает науку об общих закономерностях процессов управления и связи в живых организмах, машинах и обществе. «Через понятие сложной, динамической системы сегодня выделяется предмет *кибернетики* как особой науки об управлении» (Ю. Антомонов, В. Казаковцев. *Кибернетика — антиреалия*).

Слово *компьютер* (англ. computer < лат. computare — «считать, вычислять») обозначает устройство, действующее по заданной определенной программе и обрабатывающее в кратчайшие сроки большие объемы информации для решения научных или промышленно-хозяйственных задач. Это название, ставшее интернациональным, в русском языке используется наряду с названием *электронно-вычислительная машина (ЭВМ)*, сравните:

«*ЭВМ* вошли в нашу жизнь почти тридцать лет назад. Но произошел ли наконец качественный сдвиг в развитии *компьютеров* или же просто именно сейчас мы осознали истинную роль *электронно-вычислительных машин* в жизни человечества...»; «Среди многочисленных событий, происшедших в мире вычислительной техники в последние годы, самое важное — появление и широкое использование микропроцессоров, ибо только эти устройства могут сделать влияние компьютеризации на все сферы общественной жизни действительно всеохватывающим и фундаментальным... Важный способ использования микропроцессоров — построение на их основе *микро-ЭВМ*, то есть маленьких *компьютеров*... полная компью-

теризация страны — влечение времени, результат действия исторических определенных закономерностей развития человеческой цивилизации, необходимая предпосылка нашего быстрого продвижения вперед по трудным дорогам научно-технической революции» (ж. «Знание — сила»).

О том, что эти иноязычные слова занимают достойное место и прочно вошли в наш язык, свидетельствует и активное образование от них других слов (уже на русской почве), например: *кибернетика* — *кибернетический, кибернетик; компьютер* — *компьютерный, компьютеризация, микро-компьютер* и т. д.

Интересна история названий, связанных со словом *космос* (от греч. kosmos — «Вселенная», в современном значении еще и «ближайшее пространство за пределами земной атмосферы»): *космодром* обозначает «ракетно-

космический комплекс, где производится проверка и запуск ракеты-носителя с космическим объектом». Слово *космодром*, созданное на основе греческих элементов (*kosmos* + *drōmos* — «бег, место для бега») первоначально как специальный термин, широко распространилось в разных современных языках в результате актуальности и общеизвестности понятий, связанных с космосом. *Космодром* — это интернациональное слово, возникшее в 50-х гг. XX в. (по-видимому, одновременно в английском и русском языках). Интересно, что слово *космонавт*, появившееся в эти же годы и тоже образованное из греческих элементов (*kosmos* + *nautes* — «мореплаватель»), создано на русской почве, тогда как в английском языке используется тождественное по значению наименование *астронавт*.

К этой же группе, объединенной словом *космос*, относятся и существительное *космонавтика*, и прилагательное *космический* (образованное в русском языке): «Мы живем в *космический* век. 12 апреля — День *космонавтики*... На *космодроме* (отсюда корабли уходят в звездный океан) установлен обелиск — на мраморной плите надпись: «Здесь гением советского человека начался дерзновенный штурм *космоса*» (из газет).

Эти слова появились в русском языке (как и во многих языках) сравнительно недавно, так как связаны с явлениями и понятиями, новыми для человечества. Но есть немало и таких слов, которые используются разными языками издавна, однако в наше время происходит их активизация, и главное — они выступают основой многих новых образований, что вызвано самой жизнью, достижениями науки, техники, производства. Таково, например, всем известное слово *магнит* (от греч. *Magnētis lithos* — буквально «магнитный камень» или «камень из Магнесии», *Magnēsia* — древний город в Малой Азии, где были залежи железной руды с такими свойствами).

Приведем здесь выдержку из интересной книги Н. Мезенина «Занимательно о железе»: «Способность притягиваться *магнитом* и самому быть *магнитом* — одно из удивительных свойств железа. Явление *магнетизма* известно с глубокой древности. Само слово происходит от названия города Магнесия в Малой Азии, около которого существовало богатое месторождение *магнитного* железняка... Явление *магнетизма* с давних пор называло интерес... оно широко используется в современной технике, в первую очередь в электротехнике

и радиотехнике, приборостроении, автоматике, телемеханике, где из ферромагнитных материалов изготавливают *магнитопроводы* генераторов, моторов, трансформаторов, элементов *магнитной* записи». Вот еще несколько примеров из современной периодики, свидетельствующих о большой продуктивности слова *магнит* как производящей базы для других актуальных наименований: «Все *магнитные* материалы делятся на два больших класса — мягкие и жесткие. Мягкие легко *перемагничиваются*, жесткие, напротив, упорно сохраняют ранее полученную *намагниченность*... возникает потребность в *магнитно-мягких* материалах... Кроме этих двух больших *магнитных* материалов — мягких и жестких, есть еще и третий — *магнитоотрицательные* материалы. Такие вещества сильно изменяют свои линейные размеры при *перемагничивании*» (ж. «Знание — сила»).

Мы привели здесь этот несколько сложный текст, отражающий специальную научно-производственную тему потому, что в нем отчетливо видна способность иноязычного по происхождению слова легко давать производные имена на русской почве. Это один из примеров активной жизни заимствованных слов в нашем языке.

Другим ярким примером может служить слово *керамика*.

Гончарное ремесло, гончарное искусство возникло в глубокой древности. Считается, что изобретено оно было женщинами. Когда-то создание глиняного горшка было великим таинством, к которому мужики даже не допускались.

Изделия из обожженной глины стали называть керамикой (от греч. *keramos* — «глина», *keramikē* — «гончарное искусство»).

По-видимому, посуда была первоначально основным видом керамических изделий. Затем керамику стали применять при строительстве, в декоративных целях и т. п. Особую роль в распространении керамики сыграла Древняя Греция. Созданные древнегреческими мастерами разные виды *керамических изделий* (например, амфоры, вазы) вывозились в другие страны и там способствовали развитию керамики.

Существует мнение, что само слово *керамика* связано с одним из предместий Афин: «Подходим к предместью Керамикон. Еще 2500 лет назад здесь жили ремесленники и рабы, создававшие замечательную аттическую глиняную посуду — керамику. Само слово «керамика»

вначале обозначало глиняные изделия именно этого предместья» (Ю. Колпинский. По Греции и Италии).

Позднее керамика получила широкое распространение в Европе. На Руси издавна было развито гончарное искусство, но называться словом *керамика* оно стало с конца XIX в. Гончарное искусство, «гончарство» — производство из обожженной глины посуды, игрушек, светильников, кирпичи, черепицы, изразцов и т. п. Слова *гончарство*, *гончар* (*горньчар*), *горшок* (*горнец*) связаны с праславянским корнем *gъtъpъ (*горн*). Считается, что наиболее ранним способом изготовления сосудов была обмазка глиной плетеных корзин, затем изделия обжигались на костре или в домашней печи. Позднее уже стали использовать гончарный круг, а затем и гончарный

горн. Ремесленники — гончары, как полагают историки, появились у разных народов ко времени разложения первобытнообщинного строя. На Руси уже в X—XII вв., кроме посуды, народных игрушек, покрытых разноцветной глазурью, изготовлялись изразцы, плитки для облицовки зданий, соборов. Древнерусским мастерам в XV в. было известно и слово *керамиды*, обозначавшее строительный материал из обожженной глины.

Керамика является своеобразным историческим документом, связанным с жизнью и развитием разных народов. С течением времени совершенствовался процесс приготовления и внешней отделки керамических изделий. В круг имен, связанных со словом *керамика*, входят такие названия, как *терракота*, *майолика*, *кафель*, *фарфор*, *фаянс*, обозначающие разные виды изделий, создан-

ных на основе разных способов обработки глиняной массы и приемов внешней отделки.

Характерно, что в наши дни оформилось еще одно значение у слова *керамика*: особый вид художественно-декоративных изделий (глазурованных и неглазурованных) из цветной обожженной глины (керамический кофейный сервиз, керамическая ваза, керамическое блюдо для фруктов и т. п.). Значение не отмечено современными словарями.

Этот вид художественных изделий стоит в ряду таких, как терракота, майолика, кафель. Терракота (от итал. *terra cotta*, *terra* — «земля», *cotta* — «жженная, обожженная») — керамические изделия, неглазурованные) применяется в быту (посуда, вазы, кашпо), в строительстве

(облицовочные плитки, архитектурные детали), садово-парковым оформлению.

Архитектурные детали из терракоты использовались в строительстве издавна (в Древней Греции, Китае, Индии, Древнем Риме). Но, пожалуй, наибольшей известностью среди древних художественных изделий из терракоты пользовались знаменитые танаурские статуэтки. Обнаруженные при раскопках древнегреческого города Танагры (IV—III вв. до н. э.) терракотовые фигурки девушек стали символом изящества и красоты.

Майолика (итал. *maiolica*) — вид керамики, изделия из цветной обожженной глины, покрытые глазурью и рисунком. Происхождение этого слова связано с названием острова Майорка (*Majorca* — в народном итальянском произношении *Majolica*). Первоначально изделия

такого типа в Италию ввозились через этот остров. Майолика применялась при строительстве и оформлении зданий в разных странах, особенно на Востоке: «Уставшие глаза отдыхают в прохладной полутьме мечети, выложенной синей холодной майоликой» (И. Соколов-Микитов. Голубые дни). В России майолика использовалась не только для украшения домов, но и для различных изделий. Помните, у Куприна в «Поединке»: «Он подошел к отдельному майоликовому столику».

Кафель, собственно изразцы — «облицовочные плитки из обожженной глины, обычно покрытые с лицевой стороны глазурью» — применялись на Руси издавна для облицовки стен, печей и т. п. Это название появилось в русском языке в XVIII в. (первоначально наблюдалось колебание форм: слово употреблялось и в форме женского, и в форме мужского рода *кахля*, -и, *кафля*, -и, *кафель*, *кафля* — от нем. Kachel) и использовалось наряду с синонимичным русским словом *изразец*, например: «Против зеркала — огромная, длинная печь из темных *кафель*» (В. А. Жуковский); «В комнате была широкая голландская печь из желтых поливных *изразцов*, покрытых зелеными изображениями каких-то хохлатых птиц» (А. Фет. Ранние годы моей жизни). Для нашего времени характерно появление из этого слова нового (собирательного) значения — «облицовочный материал», например: «Стены ванной отделаны *кафельем*».

Эти два названия, заимствованное *кафель* и исконно русское *изразец* (предполагают, что этимологически оно связано с глаголом *резать*, т. е. «то, что вырезано, обработано»), мирно сосуществуя, обогащают язык, увеличивая его лексические и выразительные средства. Напоминается еще пример из круга этой «керамической семьи». Мы уже упоминали, что майолика — это изделия, покрытые глазурью, а терракотовые изделия — не глазурированные. Слово *глазурь* (нем. *glasur*, от *glass* — стекло), обозначающее специальное стекловидное покрытие керамических изделий, пришло в русский язык (по свидетельству словарей) в начале XIX в. Изделия с таким покрытием производили в России издавна (изразцы, народные поделки, игрушки), существовало и русское название — *полива*. Сейчас эти слова равноправны, обрели однокоренными именами (*поливной*, *поливной*, *поливанный*, *глазурирование*, *глазурированный* и др.), широко используются и в профессиональной речи, и в общелитературном языке.

«Вершину» керамического производства представляют *фаянс* и *фарфор*. Интересна история появления этих названий.

Фарфор был создан в далекой древности в Китае. Восточные купцы привозили фарфоровые изделия в Европу. В Россию китайский фарфор попал в XVII в., когда с Китаем были установлены торговые отношения. Рецепт, «секрет» создания тончайшего китайского фарфора, однако, был долгое время в Европе неизвестен. Россия, как и другие европейские страны, искала свой путь производства фарфора. В 1747 г. в результате долгого и подвижнического труда Д. И. Виноградова, современника и товарища М. В. Ломоносова, был открыт способ производства фарфоровой массы¹.

Фарфор раскрыл свои тайны, но осталась «тайна» самого слова: как возникло название, откуда пришло, почему именно оно осталось в русском языке? Ведь наряду с этим словом в те годы в России использовалось и название *порцелина*, о чем свидетельствуют труды самого Д. И. Виноградова. Так, одну из своих рукописей он назвал «Заметки о фарфоре». Несколько позже, обобщая свой опыт, Виноградов писал: «Все работы, касающиеся до дела *порцелина*... собственными руками отправлял, и хотя он чистотой и красками до саксонского и китайского еще не дошел, однакож прежде здесь делаемого гораздо лучше и чище... весь недостаток только от огня зависит, для того что печей таких еще сделать не удастся, чтоб большую фарфоровую посуду в оных с надлежащим успехом обжигать можно было...» Интересно, что в трудах Ломоносова, который также ставил опыты и делал «фарфоровые пробы», преимущественно используется слово *фарфор*.

Название с корнем *порцелин-* употребляются в разных европейских языках до сих пор, например: нем. *Porzellan*, англ. *porcelain*, фр. *porcelaine*. «Порцелины» покупались для Петра I, который приказал оказывать всяческую помощь желающим завести «порцелиновую мануфактуру». Первый в России фарфоровый завод (Порцелинная мануфактура) был основан в 1744 г. (где начинал свои опыты Виноградов), он положил на-

¹ О деятельности замечательного русского ученого-практика, сподвижника М. В. Ломоносова, можно прочитать в интересной книге М. А. Безбородова «Д. И. Виноградов — создатель русского фарфора» (М.: Л., 1950).

чало производству фарфора в России, а также использованию самого слова и его производных.

Название *фарфор*, оставшееся в русском языке, его происхождение до сих пор неясны, однако многие исследователи соглашаются, что это название имеет персидское происхождение (*feġfūr*). Оно обозначает китайского императора и представляет собой перевод китайского выражения *сын неба* — *фахфури*. Считается, что так назывались лучшие изделия, созданные для императора, а затем этим словом стали называть все изделия из фарфора.

Но почему русский язык выбрал это название, а не слово *порцелин*? Как слово *фарфор* попало в русский язык и почему другие европейские языки не закрепили у себя это слово? Однозначного ответа пока нет.

Интересно, что и слово *фаянс* несет в себе загадку. История его такова. Пытались европейские мастера разгадать секрет изготовления фарфора, но вместо этого создали совершенно новый материал, который также оказался очень удобным для изготовления посуды и других подобных изделий. Такие случаи в истории бывали. Здесь интереснее другое: аналогичный керамический материал изобрели, как гласит история, одновременно в двух местах — в итальянском городе Фаянция и во французском городе Фаянс. От какого названия города происходит наименование «соперника» фарфора? Вопрос этот еще не получил ответа.

Возникновение и история всех названий, объединяемых словом *керамика*, — еще один яркий пример многообразных связей языка и человеческой деятельности.

Вариантность, наличие разных форм или слов, обозначающих одно и то же понятие, — важное свойство языка. Выбор, отношение к варианту — одна из центральных проблем культуры речи. Как же возникают варианты и какие варианты существуют?

Прежде чем обсуждать эти вопросы, приведем несколько примеров. «Пассажиры рейсового самолета «ТУ-104», вылетевшие из Ленинграда в Москву, были удивлены сообщением *стюардессы* о возвращении воздушного лайнера обратно в аэропорт. *Стюардесса* пояснила, что самолет получил повреждение от встречи в воздухе... с уткой» («Комс. правда»). Нам кажется привычным слово *стюардесса*. Оно хорошо известно не только тем, кто пользуется современными пассажирскими самолетами. Однако появилось оно в русском языке в этом значении не так давно, не раньше 50-х гг.

50—60-е гг. нашего столетия характеризуются заметным оживлением международных контактов и, что естественно, расширением языковых связей, обогащением, как мы уже отмечали в предыдущих главах, состава интернациональной лексики, взаимозаимствованиями. Характерный пример: английское слово *stewardess* в это время стало известно в значении «бортпроводница» и другим европейским языкам: французское *stewardese*, немецкое *Stewardess*, чешское *stewardka*, русское *стюардесса* и др. В русском языке оно употребляется как синоним слова *бортпроводница* — «проводница на борту самолета»: «Первые двадцать минут полета, пока идет набор высоты, у нас, *стюардесс*, спокойное время. Ходить нельзя»; «*Стюардесса!* Я не люблю этого слова. Я *бортпроводница*, понятно?» (ж. «Юность»).

Эти два слова сосуществуют в современном языке, используются как равнозначные и равноправные. Употребительность названия *стюардесса* поддерживается

не только влиянием других языков, но и внутриязыковым фактором — возросшей продуктивностью суффикса *-есса*. Новые образования с этим суффиксом довольно легко возникают в современном языке — как в книжных сферах, так и в разговорной речи: например: *позтесса*, *кадресса*, *адвокатесса*, *критикесса* и под.

Название *бортпроводница* появилось в те же годы, что и *стюардесса*, и активно используется в общелитературном языке и в профессиональной среде авиаторов: «В 1963 году я расстался с редакцией областной газеты... А чуть позже в трудовой книжке бывшего корреспондента появилась забавная запись: «...Зачислен на должность *бортпроводницы*» (ж. «Юность»).

Самую раннюю фиксацию этого слова находим в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1953 г.): «**Бортпроводник**, -а, м. Служащий гражданского воздушного флота, следящий за порядком на самолете и обслуживающий пассажиров. //ж. Бортпроводница, ы». Орфографический словарь (1956 г.) помещает его наряду с пятью другими с первой частью *борт-* (*бортгарач*, *бортинженер*, *бортмеханик*, *бортпроводник*, *бортрадист*). Одним из самых первых в этой группе появилось слово *бортмеханик*. Оно есть уже в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.). Можно считать, что это калька (перевод по частям слова) с немецкого *Bordmechaniker*. Остальные легко могли быть образованы уже на русской почве по такой удачной модели.

Сейчас, по-видимому, нет оснований считать, что слово *стюардесса* вытесняет другой номинативный вариант этого понятия — слово *бортпроводница*. Более того, в официальных бумагах и документах преимущественно используется именно второе название.

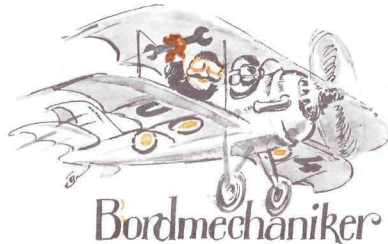
Гораздо реже встречаются наряду с *бортпроводницей* и *стюардессой* их «мужские варианты» — *стюард* и *бортпроводник*, последнее чаще используется как обобщенное название этой профессии: «Навстречу Новому году отправились 158 изымающихся от нетерпения пассажиров. Их обслуживали четыре *стюардессы* и два *стюарда*. За Уралом бригадир *бортпроводников* Оля Короткова

украсила салон еловыми ветками» («Комс. правда»).

Другой пример вариантности наименований: *демонстрация* или *демонстрирование*? В современном языке оба слова встречаются в широком круге литературы, связанной по тематике с кино (и телевидением). Вот несколько примеров: «22 марта 1895 г. в Париже Луи Люмьер впервые *демонстрировал* на заседании Научного общества свою первую картину «Выход рабочих с фабрики». Этот день считается днем рождения кинематографа. Первая *демонстрация* картины Луи Люмера имела огромный успех. С этого времени началось бурное развитие кинематографии. Первые *демонстрации* кинокартин в России состоялись в 1896 г. в Петербурге и Петергофе» (В. И. Шмырев и др. Кинофильм и кино-

проекционная аппаратура); «В самые последние годы разработан еще один вид кинематографа с переменными в процессе *демонстрирования* кинофильма размерами изображения, форма которого изменяется в соответствии с содержанием *демонстрируемых* кадров» (Кинопроекционная техника. М., 1973); «В основе новых систем кинематографа лежит принцип «подвижности», который позволяет зрителю выбрать «точку зрения» и тем самым как бы участвовать в процессе *демонстрации* фильма» (ж. «Сов. экран»). Как видно из примеров, эти номинации выражают один и тот же смысл — «публичный показ кинофильма» — и могут использовать-

ся в тождественных контекстах, причем предпочтение, употребление того или иного варианта во многом случайное, индивидуально.

Сейчас эти слова нам кажутся «близнецами», однако у них разное «прошлое» и, возможно, разное «будущее». Слово *демонстрация* пришло к нам через западноевропейские языки из латинского (*demonstratio* — «показывание») и имеет несколько значений. Современные словари отмечают, например, такие значения: 1. Массовое шествие для выражения общественно-политических настроений; 2. Публичный показ чего-н.; 3. Проявление чего-н., свидетельство чего-н.; 4. Военная операция... и др. Слово *демонстрирование* образовано от многозначного глагола *демонстрировать* (лат. *demonstrare*) и так-

же может выражать несколько значений, хотя современные словари отмечают только значение «действия с целью заявления протеста». Однако, как мы видели, эта номинация активно используется наряду со словом *демонстрация* для обозначения «публичного показа кинофильма», чему во многом способствует наличие глагола и других отглагольных образований, например: «Когда на экране появляется первый сигнал, включается электродвигатель второго кинопроектора, который будет *демонстрировать* следующую часть. Некоторое время оба кинопроектора работают вместе, причем *демонстрирование* фильма в это время ведется только кинопроектором, заканчивающим работу. Данные таблицы не распространяются на кинопередвижки, *демонстрирующие* фильмы в неприспособленных для этой цели помещениях. В конце работы первого проектора включается в работу второй, а с первого снимается *продемонстрированная* часть фильма» (В. И. Шмырев и др. Кинофильм и кинопроекторная аппаратура); «Опыт *демонстрирования* панорамных, широкоформатных фильмов показал, что изображение как бы втягивает зрителя в *демонстрируемое* на экране действие» (М. З. Высоцкий. Большие киноэкраны и стереофония).

Закреплению в языке варианта *демонстрирование* способствует и то обстоятельство, что это существительное стоит в ряду аналогичных отглагольных образований, обозначающих разнообразные процессы и широко используемых в киноделе (например, *панорамирование, виньетирование, маскирование, экспонирование и др.*).

Многочисленные параллельные употребления слов *демонстрация* и *демонстрирование* свидетельствуют о том, что оба варианта равнозначны и равноценны. Такое «мирное сосуществование» на определенном этапе развития языка закономерно и вполне допустимо (как, например, *стюардесса — бортипроводница, линевистика — языкознание, дизайнер — художник-конструктор* и под.).

Но чаще создаются языковые ситуации, когда «право на существование» завоевывает себе какой-либо один из вариантов, а второму приходится передвинуться на периферию языка или даже совсем уйти с «языковой сцены».

Такие процессы происходят в современном языке, например, среди наименований профессий, механизмов и приспособлений, наименований жителей и других групп

имен, которые находятся «на переднем крае» развития языка¹.

В Институт русского языка АН СССР, в редакции газет и журналов, на радио и телевидение часто обращаются с вопросами, как правильно сказать, какое из двух (или нескольких) близких слов выбрать, какой вариант следует употребить.

Вот некоторые примеры. Не так давно в Институт русского языка пришло письмо, в котором специалисты по киноделу интересовались, какое наименование — *микшерная* или *микшерская* — правильное для обозначения помещения, где находится особое устройство для записи и воспроизведения записи звука (*микшер*). *Микшером* специалисты называют звуковую установку (устройство), где происходит «смешение», совмещение разных видов звучаний (речь, музыкальное оформление, дикторский текст и т. д.): «На входе *микшерского* пульта подаются раздельно записанные ранее на отдельные фонограммы речь, музыка и шумы. В *микшере* они как бы смешиваются, и сумма звуков записывается на новую фонограмму» (Г. Ф. Андерег, Н. Д. Панфилов. Справочная книга кинолюбителя).

Термин *микшер* (происходящий от английского *mixer* — «смеситель») — «родной брат» слова *миксер*, которое хорошо известно сейчас каждой хозяйке как название прибора для смешивания, сбивания кремов, муссов и т. п.

Почему возник этот вопрос? Как появились два наименования? Возникновение вариантов *микшерская* — *микшерная* можно объяснить следующим образом: в современном русском языке существует несколько способов образования названий различных помещений. Оба слова относятся к распространенному типу наименований, возникающих путем субстантивации прилагательных (от лат. *substantivum* — «имя существительное»), т. е. путем перехода имен прилагательных в разряд имен существительных, например: *операционная комната* — *операционная* и т. д., *ванная, душевая, бильярдная, прорабская*,

¹ Мы здесь рассматриваем только вариантность номинативных единиц, т. е. слов и словосочетаний, называющих один и те же понятия. Вариантам орфоэпическим (произносительным), акцентологическим (по ударению, типа *кóвчас — ко́вчас*), а также грамматическим (типа *рукой — рукою*) посвящено много исследований, например о них рассказывается в книге К. С. Горбачевича «Нормы современного русского литературного языка» (М., 1978).

учительская и т. п. Существует такое правило: если помещение называется по «характерному для него предмету, находящемуся или производимому в нем», то наименование образуется при помощи суффикса *-н-* (например, *ванная, чайная, пельменная* и под.); если же помещение называется по «лицу, для которого оно предназначено», то наименование образуется при помощи суффикса *-ск-* (например, *учительская, диспетчерская, дикторская, парикмахерская* и др.). Согласно этому правилу, для обозначения помещения, в котором находится *микшер*, следует использовать наименование *микшерная*, номинативный вариант *микшерская* не соответствует современным литературным нормам. Появлению наименования *микшерская* во многом способствовало наличие словосочетаний с прилагательным *микшерский*, например таких: «Комплект состоит из двух стандартных *микшерских* устройств, каждое из которых рассчитано на стереофоническую запись звука с трех каналов» (М. З. Высоцкий. *Большие киноэкраны и стереофония*).

Можно привести и другие примеры таких «незаконно» возникающих названий, дублеров-самозванцев.

Как-то в одной из передач кинопанорамы ведущий, известный кинорежиссер Эльдар Рязанов, употребил термин *озвучание*, правда тут же поправился: *озвучивание*. В чем дело? Какой термин из двух надо было использовать? А может быть — третий — *озвучение*? Действительно, сейчас эти три слова довольно часто встречаются не только в профессиональной речи кинематографистов, но и в радио- и телепередачах.

Когда и как они появились и что обозначают?

Эти существительные ведут свое происхождение от глаголов *озвучить* — *озвучивать*, появившихся сравнительно недавно. Впервые эти глаголы были зафиксированы в толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1938) с пометкой «*кино нов.*». Возникновение этого круга слов самым непосредственным образом связано с появлением звукового кинематографа, развитием кинотехники в наши дни. По смыслу приведенные слова *озвучение* и *озвучивание* тождественны. С грамматической и стилистической точки зрения они равноправны.

В таких случаях выбор, предпочтение одного из вариантов может зависеть, например, от традиции использования в этой профессиональной среде, от «лингвистических» вкусов автора, статьи, пособия и т. п.

Так, например, в Справочнике кинолюбителя (Н. Н. Кудряшова) используется вариант *озвучивание*: «В процессе работы над созданием звукового фильма используются следующие методы: синхронная съемка... последующее *озвучивание*, предварительное *озвучивание*, *озвучивание* под черновую фонограмму, перезапись». В аналогичном по содержанию тексте «Запись и воспроизведение информации» используется только вариант *озвучение*.

С чисто языковых позиций оба эти варианта правильны и могут использоваться. Но и в устной речи, и в некоторых пособиях и статьях нередко стал встречаться третий вариант — *озвучание*: «Рассмотрим основные особенности технологии стереофонической записи кинофильмов — синхронной, последующего и предварительного *озвучания*» (М. З. Высоцкий. *Большие киноэкраны и стереофония*).

Прежде всего, зададим себе вопрос: как образовалось это слово? Если существительное *озвучение* связано со словом *озвучить*, а *озвучивание* — со словом *озвучивать*, то *озвучание* должно соотноситься с... несуществующим в русском языке глаголом *озвучать*?! Поэтомуту говорящие и ощущают какую-то неловкость, неполноценность этого слова. Вариант *озвучание* не соответствует нормам современного словообразования и культуры речи, и использование его даже в профессиональной речи не рекомендуется.

Это не значит, конечно, что на все профессиональные наименования накладываются запреты. Напротив, многие названия, возникшие «по правилам» в профессиональной среде, в разговорной речи, становятся широко употребительными и получают «права гражданства».

Вот только два примера таких наименований: *баранка* и *дворник* (в автомашине). Первое образовано путем метафорического переноса (на основе «сходства»), второе — на основе «общности» функционального назначения. Эти номинации используются в языке наряду со словами *руль* и *стеклоочиститель*. Многие водители предпочитают руль называть *баранкой*. Употребляются эти слова «на равных» и в письменной речи, в публицистике, например: «Специалисты установили, что... при скорости 50 км/ч водитель поворачивает *баранку* не менее одного раза в две секунды, а если он утомлен, то движения *руля* снижаются почти в 2 раза» (ж. «Техника — молодежи»).

Слово *руль* (голл. гоет, пришло к нам в XVIII в. и обозначало первоначально «устройство для управления кораблем») поддерживается гнездом однокоренных образований *рулевое (колесо), рулить, руление* и др., оно нейтральное, общелитературное. *Баранка* несет несколько сниженный, разговорно-просторечный оттенок. Эти, как и многие другие слова, имеют свою судьбу, свою жизнь в языке. Так же, например, сосуществуют в современном языке, выражая один и тот же смысл, слова *стеклоочиститель* и *дворник*. Всем сейчас известны эти устройства для механического вытирания ветрового стекла автомашин. Появились эти слова почти одновременно, в 50-е гг. Вот примеры: «Изобретатели считают, что ни к чему кнопки, включающие *стеклоочиститель*. Достаточно поставить датчик влаги. Это не такое уж излишество. Бывает, что и в сухую погоду из-под колес идущей рядом машины, попавшей в лужу, брызнет фонтан грязной воды... ветровое стекло сплошь залито, нужно срочно включить «*дворники*» (В. Демидов. Электроника четырех колес).

Так же, как и *бананка*, название *дворник* стилистически сниженное (словари дают помету «разг.»), но это и поддерживает использование таких дублетов в языке.

К наименованиям, имеющим равные права на жизнь в языке, относятся, например, и некоторые названия жителей. Например, жители города Загорска спрашивают, как правильнее: *загорцы, загоряне* или *загорчане*? Ответить на него однозначно не так-то просто. Дело в том, что в русском языке наименования жителей могут быть образованы при помощи разных суффиксов, например: *москвич, ленинградец, охтинец, калужанин, сумчанин* и т. п. Многие из таких названий существуют издавна и не имеют других параллелей. Однако нашему языку свойственно и явление вариантности, когда к одной и той же основе (называющей город, населенный пункт и т. п.) могут присоединяться разные суффиксы, создавая тем самым параллельные, вариантные наименования. Эта вариантность, как правило, зависит от собственно языковых причин (структуры основы, разной сочетаемости ее с суффиксами, степени продуктивности, распространенности того или иного суффикса и др.). Может оказывать свое влияние и сила привычки, традиции употребления. Например, существует традиционное название жителей города Ярославля — *ярославцы*, в то время как жителей города Лихославль (по данным «Сло-

варя названий жителей РСФСР». — М., 1966) называют *лихославльцы*, а города Рославль — *рославцы* и *рославчане*. Характерно, что в последние десятилетия для образования наименований жителей все чаще используется суффикс *-чанин (-чане)*, который стал «специализироваться» на выражении значения «житель какой-либо местности» (преимущественно в пределах нашей страны), так как может присоединяться почти без всяких ограничений к разным основам (см. с. 18).

Как правило, производящие основы, оканчивающиеся на *-ск* (отсекая конечное *-ск*), активно соединяются именно с суффиксом *-чанин (-чане)*, хотя образуют наименования и при помощи других суффиксов (*Бельск — бельцы, бельчане; Минск — минчане; Кировск — кировчане, кировцы* и т. п.). Этим объясняется и наличие

вариантов названий жителей города Загорска. Так, в «Словаре названий жителей СССР» (М., 1975) зафиксированы следующие названия: *загорцы — загорец; загорчане — загорчанин — загорчанка; загоряне — загорянин — загорянка*. Можно ли в данном случае дать какие-либо рекомендации? Существующие варианты равнозначны и могут использоваться параллельно, но следует учитывать и принимать во внимание сложившуюся местную традицию употребления.

Наличие нескольких суффиксов, активно участвующих в номинации профессий, механизмов, приспособлений, создает основу для вариантности и таких наименований в современном языке, например: *промывщик — промывальщик — промыватель; наклейщик — наклеивальщик — наклеиватель; кантовщик — кантовальщик — кан-*

тователь; сушилка — сушитель; морозилка — морозильник; луцилка — луцильщик и т. д.

Как складывается «языковая судьба» того или иного названия, какое существует взаимодействие у подобных номинативных вариантов, какое влияние оказывают на их продуктивность и употребительность так называемые «социальные факторы» (например, возраст говорящего, образование, принадлежность к определенной социально-профессиональной группе) — все это является объектом исследования современной лингвистической науки и во многом способствует определению основных направлений развития языка в области номинатива.

В последние десятилетия ученые Академии наук СССР создали ряд важных, обобщающих трудов на основе массового социально-лингвистического обследования: «Русский язык и советское общество» (1968); «Русский язык по данным массового обследования» (1974), «Социально-лингвистические исследования» (1976).

Все рассказанное в этой главе еще раз подтверждает, что вопрос: «Какое наименование выбрать, как правильное назвать?» — совсем не простой и не праздный.

Уже с детства, в семье, в школе, овладевая литературным языком, мы усваиваем его нормы — правила произношения, ударения, употребления и сочетания слов. Но литературный язык (эта «историческая сложившаяся высшая форма национального языка») постоянно изменяется, развивается, в нем одновременно может сосуществовать «старое» и «новое», «свое» и «чужое», «общеупотребительное» и «узкоспециальное». Поэтому вариативность в языке — явление естественное, закономерное, и она должна учитываться при установлении современной литературной нормы.

Понятие нормы — важное слагаемое при изучении языка. Знание правил словообразования, словоупотребления, произношения необходимо каждому. Можно здесь привести слова известного советского лингвиста проф. А. М. Пешковского: «Если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык, культивируемый как особое искусство, язык нормируемый».

Из предыдущих глав вы узнали, как обогащается, какими путями пополняется словарный состав русского языка, какие типы наименований, новых слов характерны для современности. «Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей», — писал М. Горький.

Для несметных лексических богатств существуют свои «кладовые» — словари, эти поистине языковые сокровищницы.

Лексикографией (от греч. *lexis* — «слово» и *grapō* — «пишу») называют науку о словарях. Этим словом обозначают также совокупность словарей. Нужно иметь в виду, что понятие «лексикография» объединяет словари лингвистические (языковые) и энциклопедические. В отличие от словаря лингвистического статьи словаря энциклопедического дают объяснение не слов, а понятий, объясняют (описывают) предметы, явления, события.

В этой главе речь пойдет о словарях языковых (лингвистических).

Современная лексикография многолика, она представляет широкий набор словарей разных типов, но основы ее закладывались в далеком прошлом, поэтому и мы обратимся сначала к истории.

Само слово *словарь* (обозначающее сборник слов, обычно в алфавитном порядке расположенных, с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык) в русском языке появляется в конце XVIII в., постепенно вытесняя употреблявшееся наименование *лексикон* (от греч. *lexikōn* — «словарь»).

Одним из первых печатных словарей был «Лексикон славяно-русский и имен толкование», труд известного в XVII в. ученого, видного просветителя и «книгопечатного мастера» Памвы Беринды. В этом словаре (изданном в

Киеве в 1627 г.) объяснялись непонятные старославянские и иностранные слова и имена (всего около 7000 слов).

Позже, в Петровскую эпоху, словарное дело расширяется и совершенствуется. Коренное преобразование русской жизни отразилось, естественно, и в языке, который пополнился множеством новых слов, терминов из разных областей науки и общественной жизни. В это время начинают активно переводиться с разных языков (голландского, немецкого, английского, французского) научные труды, книги по военному, морскому, инженерному делу, искусству и просвещению. Возникает насущная необходимость в словарях, объясняющих новые слова и помогающих в переводах разных иноземных книг.

Первые небольшие словарики, представляющие списки неизвестных выражений и терминов, появляются при некоторых переведенных сочинениях. Такой, например, список (из 135 слов) сопровождал книгу «Истинный способ укрепления городов...», переведенную с французского языка В. Суворовым (отцом знаменитого русского полководца А. В. Суворова). Объяснялись здесь слова *артиллерия*, *амбразура* и подобные.

Петр I, понимая важность развития словарного дела, всячески содействовал работе над словарями. Известно, что при его непосредственном участии составлялся «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», где были помещены новые заимствованные термины (такие, как *дисциплина*, *декрет*, *карта*, *оптика*, *проблема*, и другие, всего 503 слова). Это был фактически первый в России словарь ино-

странных слов (он остался в рукописи). Интересно привести советы Петра I по «общей организации» словарной работы: «Где какое наименование вится, выписывать в особливую тетрадь. Сие выписав, перевести на русский язык потом»¹.

При Петре I был создан и несколько раз затем переиздавался словарь, получивший название «Номенклатор на русском, латинском и немецком языках» (от лат. помет — «имя, название» и salare — «созывать, собирать»,

т. е. «собрание имен»). В словаре около 2000 слов, которые расположены по тематическим группам, например: «О мире, стихиях и небесах», «О временах и праздниках», «О человеку и его частях» и др. Это был один из первых словарей, созданных по типу «учебных» (западноевропейских).

В те же годы был издан (в Москве, в 1701 г.) другой «учебный» словарь, славяно-греко-латинский. Автором

¹ Об этой стороне деятельности Петра I можно подробнее прочитать в книге К. С. Горбачевича «Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее» (М., 1984).

его был Ф. П. Поликарпов-Орлов, переводчик, видный деятель Петровской эпохи в области просвещения. Федор Поликарпов учился, а затем некоторое время преподавал в Славяно-греко-латинской академии (первом высшем учебном заведении в Москве) и хорошо понимал, выражаясь современным языком, роль словарей в процессе обучения. Работая над руководством по чтению и письму на трех языках для учеников академии, он составил для них и словарь, в котором было около 2000 слов, также расположенных по тематическим группам¹. Этот словарь дал Поликарпову опыт и основы для создания главного труда его жизни: в 1704 году был издан «Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное». Он содержал уже около 27 000 слов. В предисловии автор писал, что назначение лексикона не ограничивается переводными задачами. Он может служить источником знаний не только для «смалоученых детищ», но и для «совершенных мужей». «Лексикон трехязычный» стал важным этапом в развитии русской лексикографии. В этом труде нашел отражение русский язык на рубеже XVII—XVIII столетий, важного периода русской истории, когда завершался процесс формирования русской нации, укреплялись основы системы национального языка².

XVIII век вошел в русскую историю как время важных научных достижений и открытий (в математике, астрономии, механике, кораблестроении, металлургии, химии). Впервые начинает выходить еженедельная газета «Ведомости» (1702 г.). Издается первый в России печатный календарь (1709 г.). Печатное дело расширяется. Кроме Московского печатного двора — первой русской типографии (основанной еще в XVI в.), начинает действовать ряд новых (и в Москве и в Петербурге) «для печатания академических книг, принадлежащих к наукам», так как по указу Петра I в 1725 г. (уже после его смерти) в России была учреждена Академия наук.

Первым русским академиком был, как известно, Ми-

¹ «Номенклатор» (автор его И. Ф. Кошневский) и Словарь Поликарпова послужили образцом для составления словарей, которые по этому типу начинают создаваться и в других учебных заведениях, например в Московском университете.

² «Лексикон» Поликарпова, как и другие старопечатные издания (т. е. книги самого раннего периода книгопечатания), находится в Отделе редких книг Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

хаил Васильевич Ломоносов. В его многообразной, более чем двадцатилетней деятельности в стенах академии нашлось место и словарной работе. Он редактировал и рецензировал ряд создававшихся в то время лексиконов. Известно, например, что М. В. Ломоносов некоторое время руководил работой над многоязычным словарем, которую вел К. А. Кондратович. Словарь не был закончен, но материалы его были использованы впоследствии при создании «Словаря Академии Российской». В его бумагах есть запись: «Положить проект, как сочинять лекси-

кон... Я хотя и не совершу, однако начну, то будет другим после меня легче делать».

Ломоносов действительно не успел сам создать такой труд, однако влияние его опыта и идей было велико и непосредственно сказалось при составлении «Словаря Академии Российской». Этот словарь стал первым важным делом Российской Академии, которая была создана в 1783 году как учреждение при Академии наук, «печущееся о языке и словесных науках», стараниями учеников М. В. Ломоносова (и прежде всего академика Ивана Лепехина). Российской Академии «предлежало возвеличить российское слово, собрать оное в единый состав, показать его пространство, обилие и красоту, поста-

новить ему непреложные правила, явить краткость и знаменательность его изречений и изыскать глубочайшую его древность».

Работа над словарем велась одиннадцать лет (1783—1794). В его создании принимали участие академики — специалисты в разных областях науки и виднейшие писатели того времени (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин и др.). В «Словаре Академии Российской» собрано более 43 000 слов, представленных в гнездах, объединенных одним корнем. Основная часть слов принадлежала к «высокому слогу» (примеры для иллюстраций подбирались из памятников древнерусской литературы, из произведений писателей XVIII в.). Более ограничено были представлены научные термины, иностранные слова, живая разговорная речь. В этом проявилось основное направление словаря — дать нормы русского литературного языка второй половины XVIII в. Вслед за ним и на его основе был создан второй «Словарь Академии Российской» (1806—1822), в отличие от первого (гнездового) «по азбучному порядку расположенный». В нем было 51 388 слов.

Словари Академии Российской явились первыми толковыми и нормативными словарями русского языка, в чем заключается их важнейшее значение и для лексикографии, и вообще для русского просвещения. Напомним, что толковым называется словарь, в котором объясняется (толкуется) значение слова. Первые академические словари были и нормативными, так как отбор и толкование слов проводились с учетом стилистических норм литературного языка того времени (в основе которых лежало учение Ломоносова о трех стилях).

Опыт и материалы словарей использовали составители всех последующих толковых словарей XIX в.

* * *

Развитие и обогащение языка, а вместе с ними и развитие словарного дела самым тесным образом связаны с историей культуры, историей России того времени.

Начало XIX века. Только что завершилась победой Отечественная война 1812 г., пробудившая, всколыхнувшая все слои русского общества. Начинается усиленное развитие промышленности. Мировую известность отечественной науке приносит выдающийся открытия русских ученых — Н. И. Лобачевского, Б. С. Якоби, Н. Н. Зимины, Н. И. Пирогова и других. В сокровищницу мирового

искусства внесли достойный вклад М. И. Глинка, К. П. Брюллов, А. Г. Венецианов, А. Н. Воронихин и многие, многие другие деятели русской культуры того времени. Развитие науки, искусства, просвещения происходит вопреки реакционной политике царизма, в борьбе с ней. На переднем крае этой борьбы была русская литература, ставшая голосом и совестью своего народа.

Рост национального самосознания проявился и в отношении к языку, который воспринимается как национальное богатство и общенародное достояние. Именно в эти годы создавались те первые академические словари. «Изданием Словаря и Грамматики заслужив нашу благодарность, Академия заслужит конечно и благодарность потомства ревностным, неутомимым исправлением сих двух главных для языка книг, всегда богатых, так сказать, белыми листами для дополнения, для перемены необходимых по естественному, беспрежнему движению живого слова к дальнейшему совершенству...» — так говорил в речи на торжественном собрании Российской Академии (в 1818 г.) русский писатель и историк Н. М. Карамзин, своим творчеством также много способствовавший совершенствованию языка. «Ломоносовский период русской литературы был сменен карамзинским... Это было шагом вперед: язык приблизился к языку живому, общественному...» — писал В. Г. Белинский.

Но только под пером А. С. Пушкина русский язык обретает силу и красоту, простоту и точность выражения. Гением Пушкина русский язык преобразуется, создается фактически тот язык, на котором говорим и мы с вами.

В этом деле великого преобразования Пушкин был не один. Рядом с ним — старшее поколение русских поэтов XIX в., испытавшее благотворное влияние пушкинской поэзии и языка, — В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, И. А. Крылов, К. Н. Батюшков... декабристы... А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов... «Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкиным в поэзии, литературе, версификации и языке русском... Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русской жизнью и русской современностию, обогатил идеями, пересоздал язык... Однако ж и Пушкиным не кончилось развитие

русского языка... Каждый вновь появившийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства...» — так справедливо писал замечательный публицист, прозорливый исследователь и критик В. Г. Белинский. Сам Белинский, его литературно-критические сочинения, публицистические статьи Писарева, Добролюбова, художественная проза и публицистика Герцена вводят в русский обиход новые научно-философские понятия, новую научную и общественно-политическую лексику. Глубина и богатство выразительных возможностей русской речи открылись в романах Тургенева, Гончарова, лирике Кольцова, Тютчева, Некрасова, сатире Салтыкова-Щедрина, драматургии Островского...

***

В начале XIX в. все более расширяется круг словарных работ. Языковеды и лексикографы обращаются к изучению разных сторон языка, к богатству его словарных запасов.

Появляются словари синонимов. Первый такой словарь под названием «Опыт Российского сословника» был составлен еще Д. И. Фонвизиным и включал 32 группы синонимичных слов. В словарях середины XIX в. уже более 150 синонимичных рядов.

Продолжают совершенствоваться в эти годы словари иностранных слов.

Так, вышедший в начале XIX в. трехтомный «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...» Н. М. Яновского разъяснял иностранные слова, вошедшие в русский язык и не отраженные в других словарях той эпохи, а также давал достаточно пространные сведения о происхождении многих слов, их правописании, возможные орфографические варианты и т. п. Этот словарь стал «праотцом» будущих словарей иностранных слов XIX и XX вв.

Важным событием был выход в свет «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1845—1846). В работе над словарем принимали участие передовые люди того времени, одним из составителей был известный русский революционер М. В. Петрашевский, организатор кружка революционеров-разночинцев. Словарь был насыщен общественно-политической лексикой самого передового, прогрессивного характера, в

нем раскрывались такие понятия, как *демократия, идея, материализм, мораль, наука, национальность*. Его появление приветствовало передовое русское общество. В. Г. Белинский об этом словаре писал: «Он составлен умно, со знанием дела... Советуем запастись им всем и каждому». Однако издание вскоре было запрещено царской цензурой, вышли только два выпуска, вместившие не многим более 1500 слов.

В середине XIX в. продолжается работа над переводными словарями, тип которых, как и словарей иностранных слов, начал складываться, как мы уже рассказывали, еще в Петровскую эпоху. Появляются и двуязычные и многоязычные словари. Так, одним из интересных опытов был «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка», вышедший в 1835—1836 гг.¹ Его автор, Ф. И. Рейф, удостоенный золотой медали Академии наук, получил в дальнейшем широкую известность как составитель и издатель переводных многоязычных словарей, где русским словам давались параллели сразу на трех языках — французском, немецком и английском. Задуманы им эти словари были как учебные «к употреблению учащегося Российского юношества» (так как Рейф начинал свою деятельность как домашний учитель иностранных языков), но затем задачи их были расширены. Ориентируясь в отборе слов во многом на общий лексический состав («словник») «Словаря Академии Российской», составитель сумел довольно полно отразить и современный ему язык, т. е. словарные запасы середины XIX в., вводя наиболее употребительные термины, примеры живой народной речи, областные слова, встречающиеся в художественной литературе. «Новые параллельные словари языков русского, французского, немецкого, английского, в 4-х частях» (так назывался труд Ф. И. Рейфа) неоднократно переиздавались и пользовались широкой популярностью на протяжении всей второй половины XIX века. Известно, например, что словарь Рейфа был в библиотеке Льва Толстого в Ясной Поляне.

¹ Этимологический материал играл здесь лишь вспомогательную роль. Собственно этимологические словари, как и исторические, появляются значительно позже, так как в эти годы не было еще собрано достаточно большого материала и языковедческая наука еще не была готова к правильным сопоставлениям и толкованиям, не обладала еще достаточно высоким уровнем знаний.

Однако тип таких переводных словарей в дальнейшем не утвердился: в силу своей «многоязычности» эти словари не могли показать все богатство оттенков значений слов и своеобразие фразеологии каждого из языков. Более перспективными оказались двуязычные. Так, особым «спросом» учащихся, переводчиков пользовались, например, труды И. Я. Павловского — «Полный немецко-русский словарь» и «Полный русско-немецкий словарь», вышедшие в 50-е годы и неоднократно переиздававшиеся. Среди многих достоинств этих словарей следует отметить в первую очередь широкое отражение в них новой общественно-политической и терминологической лексики разных наук, вошедшей в русский язык в это время. Широко представлена была здесь в отличие от предыдущих словарей народно-разговорная лексика и русская фразеология.

Двуязычные словари выполняли важные задачи: кроме основного своего назначения — помочь при изучении разных языков и переводах, — они способствовали обогащению языка новой лексикой, совершенствованию словарного дела и решению разных вопросов теории языкознания.

Большую роль в дальнейшем развитии русской лексикографии сыграло Общество любителей российской словесности (образованное в 1811 г. при Московском университете), которое не только печатало в своих «Трудах» проекты словарей и словарные материалы известных ученых, но и проводило большую работу по сбору лексики народных говоров. Накопленные диалектные материалы были использованы при работе над первым сводным словарем русских народных говоров, которую вело Отделение языка и словесности Академии наук (созданное вместо упраздненной в 1841 г. Российской Академии). Этот труд, названный «Опытом областного великорусского словаря» и увидевший свет в 1852 г., важен не только тем, что здесь впервые была собрана лексика многих областей России (Архангельской, Вологодской, Костромской, Тверской и других), но и тем, что представлял существенное добавление (около 40 000 слов) к общелитературным словарям, что давало возможность увидеть общую картину лексического состава русского языка того времени.

Знаменательным событием не только для лексикографии, но и для всей русской культуры было издание в 1863—1866 гг. четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Необыкновен-

ная ценность этого труда состояла прежде всего в том, что в нем нашел наиболее полное отражение русский язык середины XIX в.: кроме книжной, общелитературной лексики, словарь содержит огромное количество народных, областных слов, а также богатую терминологию разных ремесел и профессий. Сам Даль писал: «Желание собирателя было составить словарь, о котором бы можно было сказать: «Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные, усвоенные и вновь заходящие, с переводом...» Языковое богатство словаря увеличивал иллюстративный материал: в качестве примеров при многих словах даны поговорки, присказки, загадки, пословицы — более 30 тысяч.

Всего в словаре около 200 000 слов (в этом он не имеет себе равных и сегодня). 80 тысяч из них Даль записал в народе сам, лично. Важным источником материала были и существующие словари: «Первое признательное слово мое... должно быть обращено к словарям Академии, общему, на коем весь труд основан, и областным, коими запасы мои пополнены...» — писал В. И. Даль.

Работе над словарем В. И. Даль посвятил всю свою жизнь. Более 50 лет он неутомимо собирал народные слова и речения, записывал народные песни и сказки, изучал народный быт и нравы. Владимир Иванович Даль был удивительным человеком. В юности он учился в Морском корпусе в Петербурге, потом окончил медицинский факультет Дерптского (Тартуского) университета, стал военным врачом, жил и работал в разных городах.

Судьба подарила ему дружбу Пушкина, дружеские отношения связывали его с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем и многими другими русскими писателями. Сам Даль также занимался литературным творчеством, писал сказки, рассказы и повести, книги для детей, собрал и издал большой труд «Пословицы русского народа», но главным делом своей жизни считал создание словаря. По воспоминаниям современников, первое слово, положившее начало его великой работе по собиранию народной речи, он записал в 18 лет. Дело было в дороге, под Новгородом, в марте 1819 г., когда окончивший Морской корпус мичман ехал к месту службы в Николаев. «Замолаживает», — произнес ямщик, поглядывая на небо. Даль узнал, что в некоторых русских областях так говорят, когда небо хмурится, когда погода портится, «клонится к ненастью».

Много лет спустя в «Напутном слове» к своему труду Даль скажет: «Пришла пора подорожить народным языком... Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него оглядываться...»

В. И. Даль вошел в историю русской культуры как замечательный знаток и собиратель родного слова, создатель уникальной языковой сокровищницы. Характер и назначение своего словаря Даль объяснил в особом примечании-эпиграфе (помещенном на титульном листе каждого из 4-х томов): «Словарь назван толковым, потому что он не только переводит одно слово другим, но толкует, объясняет подробности значения слов и понятий, им подчиненных. Слова *живого великорусского языка* указывают на объем и направление всего труда». Слово *великорусский* в то время использовалось также для названия *русского языка*.

В наши дни словарь Даля, конечно, не может служить справочником по современному русскому языку, но как «хранилище» бесценных лингвистических и историко-культурных сведений может быть полезен не только языковеду, историку или этнографу, но и любому заинтересованному читателю.

Известно, что словарь Даля высоко ценил и использовал в своей работе В. И. Ленин. Однако, заботясь о ликвидации неграмотности, о повышении общей культуры народа, Ленин понимал, что широким массам в послереволюционной действительности нужен иной словарь.

В январе 1920 года в письме к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому Владимир Ильич, упоминая словарь Даля, пишет: «Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (Полн. собр. соч. — Т. 51. — С. 122).

В течение 1920 и 1921 гг. В. И. Ленин неоднократно возвращается к мысли «о необходимости издания хорошего словаря русского языка» и, несмотря на трудности и лишения тех лет, дает указание руководству Наркомпроса привлечь известных ученых-филологов и, «дав им красноармейский паек», начать конкретную работу. В тяжелых условиях гражданской войны, голода и разрухи работа над словарем все же была начата. В этой важной государственной работе наряду с ведущими языковедами (А. М. Пешковским, Д. Н. Ушаковым, Л. В. Щербой) принимали участие и молодые филологи, ставшие

впоследствии известными учеными (Д. Д. Благой, И. Г. Голанов, А. А. Реформатский и др.)¹.

Однако в те трудные годы довести до конца эту большую научную работу было невозможно. Только спустя некоторое время, уже в 30-е годы, коллектив ученых (в него вошли В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков) создает «Толковый словарь русского языка в 4-х томах» (1934—1941 гг.). «Составители старались, — как сказано в редакционной статье, — придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка... Основная масса в нем — слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение XIX в. Но в него включены также и новые слова, вошедшие во всеобщее употребление...»

Словарь (в нем более 85 000 слов), вышедший под общей редакцией Д. Н. Ушакова (поэтому впоследствии для краткости его так и стали называть — «Словарь Ушакова»), сыграл важную роль и в деле народного просвещения, и в развитии словарного дела в советское время. Продолжая и развивая лучшие традиции русской лексикографии, он был первым словарем русского языка послереволюционной эпохи, в нем нашли отражение и новая лексика, и новая орфография.

В декабре 1917 г. Декретом о введении новой орфографии (за подписью наркома просвещения А. В. Луначарского) было положено начало давно назревшей реформе. Декретом Совнаркома в октябре 1918 г. была окончательно узаконена новая орфография, которая устранила разноречивое, упростила русское правописание, в том числе отменила некоторые буквы, использовавшиеся в силу традиции (і, ѳ, ѣ, њ в конце слова). Однако заменить старую орфографию, перевести всю печать на новую было непросто. Поэтому утверждение новой орфографии первым советским словарем русского языка было важным государственным делом.

Однако, обладая многими достоинствами, Словарь Ушакова не отразил одно из главных ленинских поже-

¹ Подробно о ленинском замысле создания «словаря для пользования и учения всех» рассказывается в книге Е. А. Левашова и В. П. Петушкова «Ленин и словари» (Л., 1979).

ланий — он не был компактным, однотомным, массовым. Такой словарь остался «на повестке дня». Предвоенные и военные годы отодвинули, замедлили осуществление этого важного дела. Только в 1949 г. вышел первый однотомный словарь современного русского языка. Он был составлен С. И. Ожеговым (одним из авторов «ушаковского» словаря, при участии некоторых других членов этого же авторского коллектива).

Из всего многообразия лексики современного языка здесь была представлена наиболее существенная ее часть, наиболее нужная и употребительная. Слова проводились наиболее грамматическими и стилистическими пометами (пояснениями), указывалось также правильное ударение, в необходимых случаях и произношение. Словарь сразу же стал пользоваться заслуженной популярностью. С. И. Ожегов продолжал работу по его усовершенствованию и переизданию.

Словарь содержал 50 000 слов. С 1949 г. словарь переиздавался 13 раз. В 1972 г. вышло 9-е, исправленное и дополненное издание (57 тыс. слов), подготовленное проф. Н. Ю. Шведовой. В настоящее время, учитывая значение и насущную необходимость словаря такого типа, Н. Ю. Шведова готовит новую редакцию, новый вариант однотомного словаря современного русского языка.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и «Словарь русского языка» С. И. Ожегова положили начало новой словарной эпохе — советской лексикографии.

Но, прежде чем перейти к современности, следует вернуться к концу XIX в., к словарной работе, осуществляемой в Академии наук. Традиция создания академических словарей, возникшая в конце XVIII в. (в начале этой главы мы рассказывали о первых словарях, созданных в стенах Российской Академии), продолжалась, и опыт академических изданий оказал свое серьезное влияние на все последующие словари русского языка, в том числе и на советскую лексикографию.

В 80-х гг. XIX столетия во главе этой работы стал академик Я. К. Грот, разносторонний филолог, имеющий и опыт словарной работы. Я. К. Грот полагал, что словарь должен «иметь предметом собственно общеупотребительный в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова... Назначение словаря, — писал в предисловии Грот, — быть истолкователем живого языка...» Под его редакцией вышел только пер-

вый том словаря, имевший название «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук», в котором Грот успел осуществить свой теоретический замысел: дать словарь нормативный, с хорошо разработанной системой помет (т. е. грамматических и стилистических характеристик слова). Этот том (буквы «А» — «Д») представляет уникальный словарный труд и в истории науки известен как «Словарь Грота».

После смерти Я. К. Грота (1893 г.) работу над словарем возглавил А. А. Шахматов — выдающийся лингвист, историк языка, диалектолог. У Шахматова были свои, во многом противоположные, лексикографические воззрения. Он считал, что академический словарь нельзя ограничивать особым отбором словарного материала, стилистическими пометами и вообще рамками нормативности. По мысли Шахматова, словарь должен представлять thesaurus (*тезаурус* — от греч. *thesaurus* — «сокровище»), т. е. «сокровищницу», куда стекается, собирается вся лексика русского языка: и общелитературная, и областная, и историческая. В предисловии к первому выпуску словаря шахматовской редакции говорилось: «Отделение русского языка и словесности, оставаясь при том положении, что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык, решило обнять этот язык во всей его совокупности, т. е. включить в настоящее издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами... задача Словаря естественным образом расширилась...»

Под непосредственной редакцией А. А. Шахматова выходили выпуски словаря вплоть до 1907 г. и составили II том (буквы «Е», «Ж», «З»), известный в лексикографии как «шахматовский словарь-тезаурус». В дальнейшем, несмотря на то что к работе были привлечены новые научные силы, дело шло медленно, так как тезаурус требовал времени для обработки большого материала. В 1915—1916 гг. вышли отдельные выпуски IV и V томов (буквы «К», «Л»).

После революции работа над словарем еще некоторое время продолжалась. Но принцип тезауруса составителя уже до конца не выдерживался, возникли и другие трудности (например, перевод всех томов на новую орфографию). Новая эпоха выдвигала новые задачи. Требовался словарь иного типа. И к концу 30-х гг. работа над этим изданием была прекращена.

Однако академическая словарная работа, имевшая

более чем полуторавековую историю, не могла, конечно, прекратиться окончательно. Уже к 1938 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР складывается коллектив для составления нового академического словаря.

Первый том был подготовлен к изданию еще до Великой Отечественной войны, но увидел свет в 1948 г. Последний, 17-й, вышел в 1965 г. Словарь, используя все лучшее, что было накоплено академической традицией, представлял все лексическое богатство русского литературного языка от Пушкинской поры до наших дней и включал 120 480 слов. В отличие от предшествующего (шахматовского) словаря в него не включалась, как правило, областная лексика, узкоспециальные или устаревшие слова. Являясь толковым и нормативным, он предназначался для широких кругов советских читателей и должен был способствовать повышению общей языковой и гуманитарной культуры. За этим семнадцатитомным трудом закрепилось название «большой» академический словарь (БАС), так как в 1957—1961 гг. вышел четырехтомный («малый») академический словарь (МАС). В наши дни (в 1981—1984 гг.) он был переиздан. Завершается работа и над вторым изданием большого академического словаря, значительно дополненного. Предполагается, что он будет содержать около 150 000 слов. Основная задача новых изданий этих словарей — «представить с необходимой полнотой словарный состав современного литературного языка, а также ту часть широкоупотребительной лексики русского языка XIX века, знание которой необходимо при чтении произведений классической художественной литературы, передовой публицистики и передовой науки XIX века».

Круг издающихся в наши дни словарей необычайно широк. По данным «всезнающей» статистики, за годы советской власти в нашей стране было издано более 4 тысяч словарей: толковые, орфографические, словари иностранных слов, народных говоров, исторические и этимологические, двуязычные и многоязычные и многие другие. Появились новые типы словарей и даже целые новые области лексикографии, например словари языка писателя, словари новых слов, словари для школьников, учебные словари для иностранцев, изучающих русский язык, частотные словари, автоматические словари и совсем особое «хранилище» — Машинный фонд русского языка.

Здесь мы расскажем лишь о тех словарях, которые

наиболее ярко отражают современные лексические запасы и показывают на своих страницах, какими новыми словами пополняется наш язык.

Начать можно с орфографического словаря. К этому справочнику обращаются, когда хотят узнать, как правильно написать то или иное слово (*орфография* — греч. *orthographia* — «правописание», от *orthos* — «правильный» и *graphō* — «пишу»). Именно поэтому орфографический словарь должен содержать как можно более широкий круг слов современного языка. Но в языке, как мы знаем, происходит беспрестанное движение — одни слова устаревают, уходят из общего употребления, другие появляются и закрепляются, начинают жить. Орфографический словарь призван самым непосредственным образом отражать эту жизнь языка. Поэтому после первого издания, подготовленного в Академии наук в 1956 г., работа по совершенствованию словника (состава словаря) продолжалась. 13-е издание, вышедшее в 1974 г., содержало 106 000 слов. Последующие издания словаря (последнее, 19-е, вышло в 1981 г.) были стереотипными. Сейчас готовится новое издание, исправленное и дополненное.

Тип орфографического словаря, естественно, наиболее вам известен. Но не менее важен, пожалуй, для учащихся словарь орфоэпический (греч. *orthoëria*, от *orthos* — «правильный» и *ēros* — «речь»). Такой общедоступный справочник создан в Институте русского языка АН СССР (1983 г.). В нем даются сведения о правильном произношении, ударении и образовании грамматических форм включенных слов. Словарь содержит около 63 500 слов. Задачей составителей было «с максимальной полнотой отразить слова, появившиеся и получившие распространение в русском языке в последние десятилетия». Некоторые слова здесь представлены впервые.

Совсем недавно, буквально в последние десятилетия, в нашей лексикографии сложился еще один тип словаря-справочника — «Новые слова и значения». В 1984 г. вышел уже второй словарь этой серии (первый появился в 1971 г.). В отличие от названных выше орфографического и орфоэпического словарей, которые только фиксируют на своих страницах новую лексику в общем ряду лексики современного языка, справочники этого типа дают толкования, разъяснение значений новых слов и выражений, иллюстрируют их употребление примерами из современной художественной литературы и прессы (газет, журналов),

а также указывают этимологические и словообразовательные сведения о слове. Выпуски этих словарей-справочников — важное явление в современной лексикографии. Ими могут пользоваться не только специалисты-языковеды, но и любой читатель, желающий получить справку о том или ином новом слове или выражении.

Результатом большой систематической работы, которая ведется в Словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде, кроме названных словарей, стали ежегодные (начиная с 1977 г.) выпуски «Новое в русской лексике. Словарные материалы». Основная цель этих изданий — объективно и оперативно отражать все новое, что появляется на страницах периодической печати. В настоящее время общее количество зафиксированных учеными новых слов составляет около 15 000.

Новая лексика 80-х гг. будет отражена не только в таких выпусках, но и в словаре «Новые слова и значения», третьем из названной серии, и в «Словаре новых слов русского языка», «выборочно-сводном», нормативном, выходящем, как и все другие справочники новых слов, под редакцией доктора филологических наук Н. З. Котеловой.

К новым типам словарей относятся и справочники, цель которых — показать достаточно полно отдельные разделы или области современной лексики. В числе таких трудов можно назвать, например, «Словарь сокращений» Д. И. Алексеева и др. (М., 1977), «Словарь названий жителей СССР» под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова (М., 1975), «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (Л., 1979) и др. В последние десятилетия наша лексикография пополнилась и разными видами терминологических словарей, отражающих современное состояние специальной лексики.

Особо следует отметить такую новую область лексикографии, как школьные словари. Вам, наверное, знакомы «Грамматико-орфографический словарь русского языка» Б. Т. Панова и А. В. Текучева, «Школьный толковый словарь русского языка» под ред. М. С. Лаптухина, «Школьный словарь антонимов» М. Р. Львова, «Школьный словарь иностранных слов» под ред. В. В. Иванова и др. О них можно прочитать в книге В. Н. Сергеева «Словари — наши друзья и помощники» (М., 1984). Еще важнее — обратиться к самим словарям, действительно верным помощникам в освоении «необыкновенного

языка нашего», который, по словам Гоголя, «есть еще тайна».

В одной главе невозможно, конечно, показать все многообразие и богатство современной лексикографии. Об этом следует написать отдельную книгу. Но об одном, особо важном и уникальном языковом «хранилище», все же сказать здесь необходимо. Это — Машинный фонд русского языка.

Совсем недавно появились, но уже не кажутся нам новыми и непонятными слова *кибернетика*, *программирование*, *ЭВМ*, *роботизация*, *компьютеризация* и т. п. Эти слова отражают суть эпохи научно-технической революции. Научно-технический прогресс проявляет себя во всех областях, затрагивает все стороны жизни общества.

Важнейшая роль в эпоху научно-технической революции принадлежит языку.

Статус русского языка как средства межнационального общения, как одного из мировых языков требует перехода к современным методам его исследования, описания и применения. Поэтому столь актуальной стала сегодня задача создания Машинного фонда русского языка.

Чтобы ответить на вопрос: «Что такое Машинный фонд и зачем он нужен?», вернемся на несколько лет назад, в осень 1978 года. В Биологическом центре АН СССР в Пущине-на-Оке состоялась тогда конференция «Диалог-78», на которую собрались биологи, физики, программисты, специалисты по информатике. Здесь впервые и была высказана мысль о необходимости создания особо построенной лингвистической системы — Машинного

фонда. Сегодня уже широко развернуты работы и от идеи перешли к проекту, а от проекта к его осуществлению. Однако на вопрос: «Что такое Машинный фонд?» — нет однозначного ответа, так как само понятие очень сложно и многомерно. Это — «система комплексной автоматизации лингвистических исследований и разработок». Это — «большая автоматизированная система, включающая в себя ряд подсистем» (например, подсистемы текстов, слов, словоформ, словосочетаний...). В соответствии же с толкованием слова *фонд* в толковых словарях русского языка «Машинный фонд можно понимать как ресурсы, запасы единиц русского языка, введенные в память ЭВМ и извлекаемые оттуда по мере необходимости. Машинный фонд можно рассматривать и как собственно фонд, хранилище разного рода данных, и как исследовательскую лабораторию, в которой на основе введенных в ЭВМ данных ведется изучение русского языка в различных аспектах»¹. Ученые характеризуют это комплексное понятие, рассматривая его с разных точек зрения.

«Создание Машинного фонда русского языка будет, несомненно, иметь большое культурное и научно-техническое значение, — говорится в первом фундаментальном труде, посвященном этой проблеме, книге «Машинный фонд русского языка: идеи и суждения», изданной Институтом русского языка АН СССР и Научным советом по лексикологии и лексикографии. Его данные, алгоритмы и программы будут широко использоваться в автоматизированных системах обучения русскому языку и другим дисциплинам, в системах автоматизированного редактирования и набора, в подготовке лингвистического обеспечения ЭВМ новых поколений, информационных систем и интеллектуальных роботов. В конечном счете Машинный фонд русского языка будет работать на решение ключевой экономической задачи — кардинальное повышение производительности труда. В этой огромной работе существенную роль играет и подготовка лингвистического обеспечения школьной и вузовской информатики, обеспечения эффективного взаимодействия людей и вычислительной техники в процессе труда»².

Теоретической основой построения Машинного фонда является идея о том, что любые данные о языке могут

¹ Машинный фонд русского языка: идеи и суждения/Отв. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1986. — С. 58.

² Там же. — С. 3.

быть представлены в лексикографической форме, а лексикографические данные могут быть переведены в алгоритмизированную, машинную форму. Мысль о том, что «узловой единицей, стержнем, вокруг которого будет группироваться языковая информация в Фонде, должно стать слово»¹, легла в основу современных теоретических и прикладных исследований.

Каково же строение, что должен, по мнению ученых, включать Машинный фонд русского языка? Прежде всего — *Генеральный словарь*, который представляет свод, совокупность словарей разных словарей русского языка (напомню, что *словник* — это алфавитный список слов для словаря). Структура Генерального словаря (наряду с другими первоочередными вопросами) обсуждалась на двух Всесоюзных конференциях, посвященных созданию Машинного фонда (в 1983 и 1987 гг.). Предполагается, что в него могут входить словники исторических словарей (например, древнерусского языка, языка XIV — XVII вв., словарей XVIII и XIX вв.). Из современных, кроме общелитературных толковых словарей, должны войти словники орфографического, орфоэпического, словарей новых слов, а также разнообразных терминологических словарей, ГОСТов, энциклопедий и т. д. Важно и то, что Генеральный словарь «призван не просто регистрировать наличие слов в словарях, но он должен дать по возможности разнообразную и полную информацию, которая имеется при заголовочном слове в словарях. Сюда относятся: грамматическая характеристика слова, наличие различных вариантов слова, наличие омонимов, употребление слова как фразеологически связанного или устойчивого, стилистическая характеристика слова... Создание Генерального словаря русского языка позволит проследить, — как полагают специалисты, — тенденции в развитии лексического состава русского языка»².

Другой важнейшей частью Машинного фонда должен быть «иллюстрационно-текстовый фонд» — с определенной точки зрения отобранные тексты (научные, публицистические, литературно-художественные, разговорная речь и т. д.). Они нужны и как «первичная информация»

о языке, и как материал для словарной и научно-исследовательской работы. При создании этого фонда «исходные» тексты записываются в память ЭВМ. Весь корпус нужных текстов содержится на магнитной ленте и может использоваться для решения разнообразных общих и частных задач.

Говоря о структуре Машинного фонда, его составных частях, их назначении и т. п., мы, естественно, не останавливаемся на «технической» стороне организации этого дела (технологической, кибернетической, вычислительной и т. д. — об этом написаны специальные работы). Нам важно было рассказать о самой идее Машинного фонда, о новых перспективах и возможностях в изучении языка.

До сих пор основной формой существования языковой информации являлись словари и картотеки, в которых представлены текстовые иллюстрации, созданные вручную. Сюда же относятся и такие виды языковой информации, как ручные или магнитофонные записи современной разговорной речи или диалектной речи (последние представлены в материалах «Диалектологического атласа русского языка»). Теперь же входит в жизнь автоматизированная система обработки и хранения языковых данных, создается единая «база данных». По мнению многих ученых, недалеко то время, когда большинство источников для изучения современного русского языка будет существовать только в машинной форме, и лингвистам необходимо вооружаться вычислительной техникой.

Системой комплексной автоматизации лингвистических работ и предстает Машинный фонд, являясь особой, «понимаемой в современном смысле сокровищницей данных о русском языке во всем объеме этого понятия, во всех его временных и территориальных формах»¹.

¹ «Машинный фонд...». — С. 43.

¹ Машинный фонд русского языка: идеи и суждения/Отв. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1986. — С. 14.

² Вторая Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. Тезисы докладов. — М., 1987. — С. 147—148.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассказали в книге о том, как возникают названия, какие способы и типы наименований используются в современном русском языке, о постоянном развитии и обогащении языка, этого, по словам М. В. Ломоносова, «едва пределы имеющего моря».

Любить и знать свой язык — значит стремиться овладеть его богатствами, усвоить не только законы и правила грамматики, правила употребления слов, но и правила словообразования, знать основные пути и направления развития номинации.

Мы надеемся, что после прочтения книги кого-то из вас заинтересует наша наука — лингвистика: возможно, кто-то захочет заниматься ею серьезно. Языкознание предоставляет большие возможности для научного поиска. Вы сможете исследовать происхождение и историю каких-то слов, изучать историю литературного языка и народные говоры, составлять словари, а те из вас, кто заинтересуется математикой и программированием, могут участвовать в создании Машинного фонда русского языка. Для своей дальнейшей работы вы можете использовать книги и словари, приведенные на с. 141.

Закончить книгу хотелось бы широко известными словами Ивана Сергеевича Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса».

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

- Бессараб М. Владимир Даль. — М., 1968.
Вартаньян Э. Из жизни слов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1982.
Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным. — М., 1981.
Горбачевич К. С. Русский язык. Прошлое, настоящее, будущее. — М., 1984.
Земская Е. А. Как делаются слова? — М., 1963.
Крысин Л. П. Жизнь слова. — М., 1980.
Леонтьев А. А. Язык и разум человека. — М., 1965.
Лопатин В. В. Рождение слова. — М., 1973.
Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы. — 3-е изд., испр. — М., 1988.
Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. — 3-е изд. — М., 1986.
Сергеев В. Н. Новые значения старых слов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1987.
Сергеев В. Н. Словари — наши друзья и помощники. — М., 1984.
Успенский Л. В. Слово о словах. — М., 1960.
Успенский Л. В. Ты и твоё имя. Имя дома твоего. — Л., 1972.
Чуковский К. И. Живой как жизнь. — М., 1962.
Шанский Н. М. В мире слов. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1985.
Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1987.

Словари

- Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. — М., 1980.
- Львов М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка. — 2-е изд., перераб. М., 1987.
- Одинцов В. В., Смолицкая Г. П., Голанова Е. И., Василевская И. А. Школьный словарь иностранных слов/Под ред. В. В. Иванова. — М., 1983.
- Энциклопедический словарь юного филолога/Под ред. М. Панова. — М., 1984.

Учебное издание

Голанова Елена Ивановна
КАК ВОЗНИКАЮТ НАЗВАНИЯ

Зав. редакцией
А. В. ПРУДНИКОВА
Редактор
И. И. НЕСТЕРЕНКО
Младший редактор
Т. Л. ТИХОМИРОВА
Художественный редактор
И. В. КОРОТКОВА
Технический редактор
Н. Т. РУДНИКОВА
Корректор
И. А. КОРОГОДИНА

ИБ № 10567

Сдано в набор 16.03.88. Подписано к печати 15.09.88. Формат 84×108^{1/32}. Бум. кн.-журн. офс.
Гарнитура литер. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 7,73.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1240. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129846
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

как

